

Министерство образования и науки Республики Тыва
Институт развития национальной школы
Муниципальное бюджетное общеобразовательное
учреждение средняя общеобразовательная
школа № 2 г. Турана

О. М. Дамчай, Е. С. Уйнук-оол

Культура традиционной тувинской семьи
Учебно-методическое пособие

КЫЗЫЛ - 2014

ББК 74.9 (С Тув)

Д 16

Рекомендовано Учебно-методическим советом ГБНУ Министерства образования и науки РТ «Институт развития национальной школы».

Ответственный редактор *А. С. Шаалы*, к. пед. наук, доцент.

Научный консультант *Т.А. Эренчинова*, к.пед. наук.

Рецензенты:

Х. Д-Н. Ооржак, доктор пед. наук, профессор Тувинского государственного университета, *С.Т. Аракчаа*, заместитель директора МБОУ СОШ №2 г. Турана.

Культура традиционной тувинской семьи. Учебно-методическое пособие для учителей. — Кызыл: Институт развития национальной школы, 2014 — 120 с.

Учебно-методическое пособие предназначено для использования учителями общеобразовательных школ. Данное пособие восполняет пробел в подготовке учащихся старших классов к самой главной социальной роли человека — к ответственному партнерству, супружеству. Знакомство с содержанием пособия будет интересно слушателям курсов повышения квалификации, всем, кто интересуется традиционной культурой тувинского народа.

© Дамчай О.М., Уйнук-оол Е.С., 2014

© Институт развития национальной школы, 2014

ВВЕДЕНИЕ

В жизни общества, как и отдельного человека, бывают времена подъема и спада. Во всем мире наблюдается пробуждение национального самосознания народов, озабоченность судьбой последующих поколений перед лицом глобальных проблем современности: экологических катастроф, нищеты, бездуховности, болезней, войн, терроризма, религиозного фанатизма...

В этих условиях представляется необходимым воспитание в детях:

- развитого национального самосознания, чувства носителей языка, хранителей исторической памяти, национальной культуры;
- осознания себя гражданами России, владеющими русским языком, интересующимися историей и культурой России;
- чувства представителей планеты Земля, ответственных за ее выживание.

В монографии «Духовная культура тувинцев: структура и трансформация» доктор философских наук А.Кужугет справедливо отмечает: «Современная общественная мысль в республиках бывшего Советского Союза выдвигает задачи изучения традиционного художественного наследия в ряд наиболее актуальных, требующих новых и самых разных подходов и методов в постижении древних символов, понятий, категорий. Проблемы культурной самобытности стали в настоящее время чрезвычайно актуальными, в том числе и для Российской Федерации, поскольку в процессе глобализации унифицируются национальные культуры, происходит стандартизация образа жизни и ценностей под единой европоцентристской доминантой» [с. 3]. Отсюда культурологический подход предполагает особый тип научного объяснения. Здесь явления исследуются в культурном пространстве и соответственно интерпретируются. Культурологическое объяснение достаточно

сложное, оно включает в себя другие подходы: исторический, психологический, социологический, системный.

Современные культурологические исследования заставляют критически взглянуть на собственную культуру и присущий ей тип человека.

Культурологический подход к изучению традиционной тувинской семьи имеет целью понять свою историю, истоки, осмыслить современное состояние, предвидеть тенденции будущего.

В соответствии с требованиями Федерального государственного стандарта образовательное учреждение разрабатывает свою программу духовно-нравственного воспитания школьников с учетом культурно-исторических, этнических, демографических и иных особенностей республики, запросов обучающихся и их родителей, республиканского сообщества. Стандарт устанавливает, что программа воспитания должна быть направлена на духовно-нравственное развитие обучающихся на основе их приобщения к национальным, российским и общечеловеческим ценностям.

Базисом для формирования этнической, российской гражданской идентичности является укоренение в своей этнической культуре. Воссоздать традиционный этнопсихологический облик народа вряд ли удастся, да и нужно ли пытаться это делать, но поднять уровень национального самосознания, через это привести к толерантному поведению необходимо. Это условие выживания малочисленного народа тыва в противоречивом и несовершенном мире.

Процесс развития толерантности активизируется, если:

- этнокультурные традиции тувинской семьи будут включены в основу педагогического процесса;

- будут разработаны теоретические и методические аспекты изучения культуры традиционной тувинской семьи;

— будет осуществляться единство и взаимосвязь школьного и семейного воспитания на основе традиций культуры тувинской семьи.

Для воспитания толерантного поколения, достойно представляющего свой этнос среди других народов, думается, эффективным использовать воспитательный потенциал культуры традиционной тувинской семьи в интеграции с современными достижениями педагогической и психологической наук.

Курс «Культура традиционной тувинской семьи» разработан с целью восполнения пробела в подготовке выпускников школы к будущему ответственному супружеству, укоренения молодежи в своей национальной культуре.

Данное пособие издается с целью реализации «Концепции духовно-нравственного воспитания и развития личности в образовательных учреждениях Республики Тыва» (авторы М. Кенин-Лопсан, К.Салчак, А. Шаалы, Г. Сундуй). Адресовано учителям, работающим в старших классах общеобразовательных школ, учащимся профессиональных училищ, студентам высших учебных заведений.

Пособие состоит из примерной учебной программы курса «Культура традиционной тувинской семьи», учебного и тематического планов, тематики рефератов и исследований, вопросов к итоговому контролю, списка рекомендуемой литературы и приложений, в которых раскрыто основное содержание наиболее актуальных тем курса.

Примерная учебная программа курса «Культура традиционной тувинской семьи»

Пояснительная записка

Курс «Культура традиционной тувинской семьи» предназначен для учащихся старших классов общеобразовательной школы. Данный курс изучается в тесной взаимосвязи с дисциплинами гуманитарного цикла. Отдельные вопросы курса раскрываются в таких предметах как история, обществознание, право, литература, психология, мировая художественная культура.

Цель курса: заложить основы межкультурного взаимодействия в условиях полиэтничного, поликультурного, многоконфессионального государства посредством ознакомления учащихся с культурой традиционной тувинской семьи.

Задачи:

- способствовать укоренению школьников в своей этнической культуре;
- подготовить учащихся к будущему ответственному супружеству.

Семья — главная ценность, важнейшая составная часть общества. Если есть доверие и взаимопонимание в семье, будет порядок и в обществе. Это истина, которую признавали разные культуры.

Семья — единственная общественная категория, которая не изменяла своего значения в жизни любого общества на протяжении многих веков. Она имела ведущее значение в системе построения государств. Семья является аккумулятором опыта поколений, хранительницей исторической памяти, языка, культуры.

«Судьбы народа сокрыты в его истории. Она таит в себе не только прошлое, но и будущее, она являет собой его духовное естество, и его силу, его дар, и его знание, и его призвание. История народа есть молчаливый глагол его духа, таинственная запись его судеб, пророческое знамение грядущего. Если народ утрачивает свои связи с

прошлым, он теряет силу, свое будущее, превращается в Иванов, родства не помнящих...» — предупреждал русский философ И. Ильин.

По справедливому замечанию доктора медицинских наук, профессора В.Ф.Базарного: «Ценности вырастают на почве культуры, а культура всегда национальна, она творится народами, каждый из которых уникален. Христос сравнивал человеческую жизнь с деревом. Если у дерева оторвать корни от родной земли, во что оно превратится? Мы должны питаться соками своей национальной почвы — дом родной, малая Родина, Отечество. С них мы возрастаем, и ветви тогда уже могут растекаться по всему космосу. Оторвался — погиб».

Каждый народ уникален, вместе — это бесценная сокровищница культуры человеческого сообщества, бездонный кладезь мудрости. Утрата хотя бы одной культуры равнозначно катастрофе: человечество безвозвратно утратит то, что отшлифовывалось веками, просеивалось, словно крупинки золота, откладывалось в исторической памяти, передавалось от поколения к поколению в виде традиций, обычаев, обрядов, наставлений, предостережений, социальных запретов. С исчезновением традиций из жизни общества уходят значимые ценности, которые связаны со всеми сторонами жизни. Это чревато опасными последствиями, порой необратимыми.

Изучение культуры ушедшего времени может способствовать решению сегодняшних проблем. Объяснение особенностей культуры малых народов, населяющих Россию, может помочь сформировать более адекватную национальную политику.

При разработке данной программы авторы руководствовались законами «Об образовании» РФ и РТ, «Концепцией духовно-нравственного развития и воспитания гражданина России» (авторы А.Я.Данилюк, А.М. Кондаков, В.А.Тишков), «Концепцией духовно-нравственного воспитания и развития личности в образовательных учреждениях Республики Тыва» (авто-

ры М. Кенин-Лопсан, К. Салчак, А.Шаалы, Г.Сундуй), идеями народности в воспитании К.Д. Ушинского, Л.Н. Толстого, А.С. Макаренко, Н.К. Крупской, Г.Н. Волкова, М.Б. Кенин-Лопсана, Л.К.Аракчаа, А. Кужугет, Е.П.Жиркова, «Концепцией воспитания человека культуры», разработанной тувинскими учеными К.Б. Салчаком, Г.Д. Сундуй, А.С. Шаалы, трудами ученых кафедры философии Тувинского государственного университета Н.В. Абаева, Т.Б. Будегечи, В.Р. Фельдмана, которые охарактеризовали значение традиций материальной и духовной культуры, наметили пути возрождения, развития и определили их роль в формировании человеческих взаимоотношений.

В изучении традиционной культуры тувинцев особый интерес представляют этнографические и исторические работы ученых Н. Катанова, Ф. Кона, Л. Потапова, В. Дулова, В. Дьяконовой, С. Вайнштейна, Г.Курбатского, М. Кенин-Лопсана.

Программа курса разработана с учетом потребности социума в воспитании:

— хранителей исторической памяти, носителей родного языка, национальной культуры, что является условием формирования толерантности;

— граждан России, владеющих русским языком, интересующихся историей и культурой народов России;

— ответственных представителей планеты Земля.

Курс «Культура традиционной тувинской семьи» рассчитан на 64 часа и состоит из четырех разделов:

1. Семья и брак в традиционном тувинском обществе.

2. Материальная культура тувинцев.

3. Духовная культура тувинцев.

4. Традиционный этикет тувинцев.

Ожидаемый результат: учащиеся должны иметь представление о культурной самобытности своего этноса, об историческом пути своего народа, знать основные термины, распознавать причинно-следственные связи.

Данная программа поможет вовлечь учащихся в проектную, исследовательскую и практическую деятельность посредством погружения в культуру традиционной тувинской семьи.

Будет способствовать:

- выявлению и развитию личных способностей учащихся;

- ориентированию учащихся на достижение творческих результатов;

- созданию условий для гибкой адаптации к изменяющимся условиям внешней среды.

В процессе изучения культуры традиционной тувинской семьи, работы над докладами, проектами школьники погружаются в исследовательское пространство. У них вырабатываются важные учебные компетенции:

- работы с различными источниками информации;

- самостоятельного принятия решений;

- критического анализа различных ситуаций и информации;

- оценки и принятия другой точки зрения.

Формируются коммуникативные компетенции:

- иметь собственное мнение;

- делать выбор между различными мнениями;

- видеть проблему;

- искать выход из создавшейся ситуации;

- аргументированно спорить;

- принимать решение;

- работать в коллективе;

- слушать и слышать других людей.

Деятельностный подход или метод погружения в пространство культуры традиционной семьи эффективен тем, что человек, в среднем запоминает 10% прочитанного, 20% услышанного, 30% увиденного, 50% увиденного и услышанного одновременно, 80% сказанного в процессе погружения в активное действие.

По содержанию программа основана на принципе интеграции. При подготовке к занятиям педагог обра-

щается к истории, этнографии, психологии, педагогике, этике, социологии, культурологии, фольклору, литературе, искусству. К проведению отдельных занятий целесообразно привлекать коллег.

При планировании занятий необходимо учитывать интеллектуальный и духовный уровень аудитории. Желательно, от занятия к занятию отслеживать развитие, углубление знаний, динамику уровня воспитанности обучающихся. Рекомендуются использовать анкетирование, тестирование, проводить психологические тренинги, поощрять поисковую, исследовательскую деятельность.

Формы занятий могут быть самыми различными: лекции, семинары, зачеты, конференции, «огоньки», интересные встречи, походы, экскурсии, экспедиции, сборы. Желательно добиться, чтобы слушатели вели дневниковые записи, которые приобрели бы творческий характер: сочинения, стихи, рассказы, картины, авторская музыка. Уделять внимание индивидуальной работе, давать продуманные, творческие задания. Дневники не проверяются, на занятиях оценки не выставляются. Итоговая аттестация слушателей проводится в форме защиты докладов, рефератов и других творческих работ.

Учебный план курса «Культура традиционной тувинской семьи»

№ п/п	Наименования разделов	Всего часов	Лекции	Практические занятия
1.	Семья и брак в тувинском традиционном обществе.	25	20	5
2.	Материальная культура тувинцев.	12	9	3
3.	Духовная культура тувинцев.	14	12	2
4.	Традиционный этикет.	17	9	8
	Итого	68	50	18

Тематический план курса «Культура традиционной тувинской семьи»

№	Тема	Всего часов	Уроки	Практические занятия
Раздел 1. Семья и брак в традиционном тувинском обществе				
1.1.	Институт семьи, исторические формы семьи, некоторые современные проблемы.	4	2	2
1.2.	Представления древних тувинцев о семье и браке.	2	1	
1.3.	Этнопедагогический потенциал традиционного свадебного обряда тувинцев.	10	8	2
1.4.	Роль отца в традиционной тувинской семье на рубеже XIX—XX вв.	2	2	
1.5.	Роль матери в традиционной тувинской семье на рубеже XIX—XX вв.	2	2	
1.6.	Дети в традиционной тувинской семье на рубеже XIX—XX вв.	6	5	1
Раздел 2. Материальная культура тувинцев				
2.1.	Юрта — традиционное жилище кочевников.	4	3	1
2.2.	Отражение скифского звериного стиля в искусстве камнерезов Тувы.	2	2	
2.3.	Отражение скифского стиля конского снаряжения в творчестве народного мастера Кенина Сата.	2	2	
2.4.	Символика традиционного тувинского костюма.	4	2	2

Раздел 3. Духовная культура тувинцев				
3.1.	Традиционная религия тувинцев — тенгрианство.	2	2	
3.2.	Символика цвета в традиционной культуре тувинцев.	2	2	
3.3.	Отражение традиционной символики цвета в политических атрибутах Республики Тыва.	1	1	
3.4.	Духовная сущность Шагаа.	4	2	2
3.5.	Восприятие горлового пения представителями других культур.	2	2	
3.6.	Духовные основы национальной борьбы «хуреш».	2	2	
Раздел 4. Традиционный этикет тувинцев				
4.1.	Традиционное поведение в юрте — основа социальной самоорганизации кочевого общества.	3	2	1
4.2.	Речевой этикет тувинцев.	2	1	1
4.3.	Культура тувинского чаепития.	4	2	2
4.4.	Питейная культура тувинцев.	2	2	
4.5.	Историческая память семьи.	6	3	4-НПК
	Итого	68	50	18

Содержание курса «Культура традиционной тувинской семьи»

Раздел 1. Семья и брак в традиционном тувинском обществе

1.1. Институт семьи, исторические формы семьи, некоторые современные проблемы.

Этнос как объект культурно-исторического исследования. Территория Саяно-Алтая — единый культурно-исторический ареал. Современное состояние и будущее

этносов. О национальном самосознании. Язык, история, культура, традиции — их влияние на формирование национального самосознания.

Институт семьи, исторические формы семьи. Возникновение моногамной семьи. Функции семьи. Проблемы современной семьи. Российское законодательство о семье и браке.

1.2. Представления древних тувинцев о семье и браке.

Отражение древних представлений тувинцев о семье и браке в памятниках истории. Легенда о Туве. Формирование тувинцев. Тувинские племена. Тувинский аал. Степени родства. Периодизация жизни тувинца. Понятие о воспитании, цели, задачи.

1.3. Этнопедагогический потенциал традиционного свадебного обряда тувинцев.

Отражение свадебного обряда тувинцев в устном народном творчестве. Условия заключения брака. Этапы свадебного обряда: «тывары» — найти невесту, «айтырары» — испрашивание согласия, «шай бузары» — дробление чая, «дүгдээри» — помолвка, «күдээлээри» — зятьевать, время пребывания зятя в аале невесты, «товун айтырары» — определение дня свадьбы, «өг чүдүрери» — перевозка юрты, «дой» (в русской транскрипции той) — свадебный пир. Локальные особенности свадебного обряда у разных родов (чооду, тожу).

1.4. Роль отца в традиционной тувинской семье на рубеже XIX-XX вв.

Мужчина — глава семьи, рода, защитник, главный работник, кормилец, воспитатель семьи, опора престарелых родителей и родственников-сирот.

Основные периоды жизни мужчины. Обычай уважения к мужчине. Общение отца с детьми: исполнение сказок, колыбельная отца.

1.5. Роль матери в традиционной тувинской семье на рубеже XIX—XX вв.

Образ женщины-матери в фольклоре. Юрта — пространство женщины, основная часть ее приданого. Жен-

щина — организатор аального производства, воспитатель детей, дочь — для старших родственников мужа, «чаавай» — новая мать для младших родственников мужа. Колыбельная матери — основа психического здоровья ребенка.

1.6. Дети в традиционной тувинской семье на рубеже XIX—XX вв.

Отношение общества к беременной женщине. Рождение и вскармливание ребенка. Той по поводу рождения ребенка. Традиции тувинской антропоники. Воспитание ребенка. Уговоры в системе традиционного воспитания. Психологическая основа уговоров-прибауток. Примеры использования уговоров в различных жизненных ситуациях. Необходимость сбора и систематизации уговоров, прибауток.

Социальные запреты, их значение. Роль социальных запретов в системе традиционного воспитания. Классификация социальных запретов. Психологические основы социальных запретов.

Роль игры в социализации ребенка. Психологические основы игры. Воспитательный потенциал игры. Ролевые игры тувинских детей.

Трудовое воспитание в тувинской семье. Роль труда в жизни кочевников. Самообслуживание ребенка. Участие ребенка в домашнем труде. Трудовые навыки по возрастам.

Раздел 2. Материальная культура тувинцев

2.1. Юрта — традиционное жилище кочевников.

История развития юрты. Виды юрт. Строение юрты. Убранство юрты. Строгая регламентация поведения в юрте. Рациональное использование площади юрты, утвари, одежды.

2.2. Отражение скифского звериного стиля в искусстве камнерезов Тувы.

Источник национальной неповторимости искусства. Художественная культура племен и народов, издревле

обитавших на нынешней территории Тувы. Связь между наскальными изображениями — оленными камнями, искусством скифского звериного стиля и современным камнерезным искусством малых и больших форм. Анималистическое наследие скифов. Древнетюркская скульптура. Предметный мир тувинской скульптуры малых и больших форм.

2.3. Отражение скифского стиля конского снаряжения в творчестве народного мастера Кенина Сата.

Роль коня в жизни кочевника. Традиции общения с конем. Образ коня в устном народном творчестве. Роль коня в развитии ремесел. Коновязь — символ родного кочевья. Традиционное убранство коня. Конские погребения в курганах Аржаан-1, Аржаан-2. Искусство Кенина Сата как отражение скифских традиций конского снаряжения.

2.4. Символика традиционной тувинской одежды.

Традиционная одежда. Виды верхней одежды по сезонам. Виды обуви по сезонам, виды головных уборов по сезонам. Символика тона. Пояс — символ представителя среднего мира. Пояс отца — оберег. Символика головных уборов. Символика свадебного головного убора невесты.

Раздел 3. Духовная культура тувинцев

3.1. Традиционная религия тувинцев — тенгрианство.

Отражение тенгрианства в фольклоре. Поклонение Небу — отцу, Земле — матери. Значение ритуальной ложки «тос-карак» — девятиглазки. Тос дээр — девять небес. Поклонение созвездию Большой Медведицы.

3.2. Символика цвета в традиционной культуре тувинцев.

Наиболее предпочитаемые цвета. Влияние цвета на этнопсихологический облик тувинцев. Символы, устанавливающие ассоциативную связь между цветом и понятием. Обычай «актаар-көктээр», «холун актаар», «ча-

жыг чажар». Цвета в составе топонимов, гидронимов, этнонимов, антропонимов.

3.3. Отражение традиционной символики цвета в политических атрибутах Республики Тыва.

Значение голубого, белого и желтого цвета на флаге Республики Тыва. Значение цветовой символики на гербе республики. Отражение психического склада этноса в государственной символике Тувы.

3.4. Духовная сущность Шагаа.

Шагаа — встреча нового года по лунному календарю. Духовное значение очищения в канун празднования Шагаа. Отражение обычая уважения к старшему в обряде «чолукшуур». Значение совместной трапезы в Шагаа.

3.5. Восприятие горлового пения представителями других культур.

Хөөмей — горловое пение, его стили, исполнительские традиции, история и современность. Категории «восприятие», «реагирование». Искусство горлового пения в устном народном творчестве. Исследователи о песенном творчестве тувинцев. Гипотеза о Соловье-Разбойнике и искусстве горлового пения. Восприятие хөөмея европейцами и американцами. Восприятие хөөмея тувинцами. Новая жизнь древнего искусства.

3.6. Духовные основы национальной борьбы «хүреш».

Богатыри — пример для подражания. Славные земляки — пример для подражания. Дореволюционные исследователи о борьбе «хүреш». Современные исследователи о борьбе «хүреш». Борьба «хүреш» — прообраз театрального спектакля. Костюм борца. «Танец орла». Обязательные ритуалы, выполняемые борцами. Кодекс чести борца.

Раздел 4. Традиционный этикет тувинцев

4.1. Традиционное поведение в юрте — основа социальной самоорганизации кочевого общества.

Рациональное использование пространства и вещей в

юрте. Экономность, прочность и совершенность модели юрты. Влияние модели юрты на развитие склонности к созерцанию, самосовершенствованию, оптимизации биоэнергетического состояния. Традиционные позы сидения в юрте. Разделение пространства юрты в соответствии с двенадцатилетним животным циклом. Место человека в юрте в зависимости от пола, возраста, статуса в обществе.

4.2. Речевой этикет тувинцев.

Роль и значение общения. Тонкости речевого этикета. Этикетные формулировки. Гостевой этикет. Трудовой этикет. Этикет охотника.

4.3. Культура тувинского чаепития.

Значение чая для кочевника. Чай — мерило качества жизни. Мера чая. Свойства зеленого чая. Утварь для приготовления чая. Рецепт приготовления чая. Обряд «чалбарыг». Чай в свадебном обряде тувинцев. Чай в похоронном обряде тувинцев.

4.4. Питейная культура тувинцев на рубеже XIX—XX вв.

Утварь для перегонки араки. Серебряная посуда для застолья.

Аяк-хаа — кравчий, обслуживающий гостей, его роль. Церемониал преподнесения чарки. Ограничения употребления араки. Последствия утраты традиций культуры питания.

4.5. Историческая память семьи — научно-практическая конференция.

Генеалогия семьи. Принадлежность к роду мужчин и женщин. Кочевья семьи. Священные места. Легенды, песни семьи. Знаменитые люди семьи, рода. Особенности семьи. Семейные праздники и традиции.

ТЕМАТИКА РЕФЕРАТОВ И ИССЛЕДОВАНИЙ

1. Речевой этикет тувинцев.
2. Гостевой этикет тувинцев.
3. Традиционная религия тенгрианство.

4. Юрта — традиционное жилище кочевников.
5. Убранство юрты.
6. Традиционное поведение в юрте.
7. Культура тувинского чаепития.
8. Природа и человек в традиционном мировоззрении тувинцев.
9. Похоронный обряд тувинцев.
10. Детские праздники.
11. Структура тувинского аала.
12. Роль и значение коня в жизни кочевника.
13. Снаряжение коня кочевника.
14. Конь в скифских захоронениях.
15. Звериный стиль в искусстве.
16. Празднование Наадыма.
17. Борьба «хүреш».
18. Спортивные игры тувинцев.
19. Детские игры.
20. Интеллектуальные игры.
21. Кайгалы и воры.
22. Белая пища тувинцев.
23. Ритуальная ложка «тос-карак».
24. Тувинский орнамент.
25. Тувинские антропонимы.
26. Символика традиционного тувинского костюма.
27. Символика цвета в одежде тувинцев.
28. Символика цвета головных уборов.
29. Символика цвета флага и герба Республики Тыва.
30. Курган «Аржаан-1».
31. Отражение скифской триады в курганах «Аржаан-1» и «Аржаан-2».
32. Тайны кургана «Аржаан-2».
33. Болезни и смерть скифов по материалам раскопок кургана «Аржаан-2».
34. Моя родословная.
35. Родовые кочевья.
36. Священные места рода.
37. Славные предки рода.
38. Историческая топонимика кожууна.
39. Экономическое поведение тувинцев.
40. Традиции наречения именем.

41. Система социальных запретов.
42. Уговоры и прибаутки в системе воспитания.
43. Колыбельные песни.
44. Благопожелания.
45. Отражение нравственного идеала в пословицах и поговорках.
46. Картина мира, отраженная в фразеологических оборотах.
47. Женские и мужские украшения.
48. Орнамент в жилище тувинцев.
49. Словарь русско-тувинских терминов конского снаряжения.
50. Вооружение скифского воина.
51. Традиционные тувинские меры.
52. Словарь русско-тувинских мер «Человек — мера вещей».
53. Погребальный обряд тувинцев: традиции и современность.
54. Традиционное поведение охотника.
55. Роль матери в традиционной тувинской и русской семьях.
56. Роль отца в традиционной тувинской и русской семьях.
57. Сходства и различия в тувинской и монгольской юртах.
58. Легенды и предания рода.
59. Песни нашего рода.
60. Роль сказок в развитии творческого воображения детей.
61. Правила поклонения оваа.
62. Отношения власти и подчинения в кочевническом обществе.
63. Традиционная верхняя одежда тувинцев.
64. Традиционные головные уборы тувинцев.
65. Традиционная обувь тувинцев.

Вопросы к итоговому повторению по всему курсу «Культура традиционной тувинской семьи»

1. Охарактеризуйте понятия «культура», «ценности культуры».
2. Охарактеризуйте понятия «этнос», «род», «племя», «народность», «нация».

3. Охарактеризуйте понятие «этническая культура».
4. Объясните смысл понятий «идентификация», «этническая идентификация».
5. В чем сходство и различие понятий «сознание», «самосознание», «национальное самосознание»?
6. В чем сходство и различие понятий «патриотизм» и «национализм»?
7. В чем сходство и различие понятий «интернационализм» и «космополитизм»?
8. В чем различие между «ксенофобией» и «толерантностью»?
9. В чем сходство и различие между понятиями «традиция», «обычай», «обряд»?
10. В чем, на ваш взгляд, живучесть традиции?
11. Нужно ли изучать традиции своего народа?
12. Нужно ли изучать традиции других народов?
13. Как вы понимаете высказывание А. Сент-Экзюпери: «Я полюбил ее с первого взгляда, я разлюбил ее с первого слова»?
14. Что значит понятие «историческая память»?
15. Что такое «национальная идея»?
16. Охарактеризуйте понятия «экологическое сознание», «экологическая культура».
17. Какие традиции соблюдаются в вашей семье?
18. К какому роду вы принадлежите?
19. Сколько поколений родственников вы знаете?
20. Знаете ли вы родовые кочевья, священные места, легенды, предания, песни своего рода?

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаев Н.В., Фельдман В.Р. Этноконфессиональные традиции и экологическая культура народов Центральной Азии и Алтай-Байкальского региона. — Кызыл: изд. ТувГУ., 2007. — С. 115.
2. Азаров Ю. Семейная педагогика. — Москва. С.115— 1982.
3. Аникеева Н. Воспитание игрой. — Новосибирск: Момент истины, 1994. — С. 145.
4. Айтматов Ч. И дольше века длится день... — Москва: Известия, 1986. — С. 429.
5. Аранчын Ю. Исторический путь тувинского народа к социализму. — Новосибирск: Наука, 1982. — С.337.

6. Арапчор А. Тыва улустун мифтери болгаш тоолчургу чугаалары. — Кызыл: Тываның ном үндүрер чери, 1995. — А. 140.

7. Афанасьева А. Семья. Москва: Просвещение, 1985. — С.223.

8. Бадра И. Арзылаң Күдерек. — Кызыл: Тываның ном үндүрер чери, 1996. — 175 а.

9. Байыр-оол М. Тывалар. — Кызыл: Тываның ном үндүрер чери, 2005. — А. 208.

10. Басаева Н. Семья и брак у бурят. — Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 199. — С. 192.

11. Байсклан С. Поэтика тувинского героического эпоса. — Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1987. — С. 70.

12. Березина В. Педагогическое сопровождение семейного воспитания.— С-П., 2005.

13. Биче-оол М. Тыва чугаа культуразы. — Кызыл: Тываның ном үндүрер чери, 1970. — А. 103.

14. Будегечи Т. Художественное наследие тувинцев. — Москва: Внешторгиздат, 1995. — С. 152.

15. Бурхинов Д. Народная педагогика и современная национальная школа. — Улан-Удэ: Бэлиг, 1993. — С. 133.

16. Бурхинов Д. Трудовое воспитание сельского школьника. — Улан-Удэ: Бэлиг, 1990.

17. Бурхинов Д. Истоки духовности. —Улан-Удэ: Бэлиг, 1999. — С. 59.

18.Бурхинов Д., Молонов Б. Вопросы этнопедагогики в школе. — Улан-Удэ: Бэлиг, 1994. — С. 45.

19. Бурятская национальная одежда (Метод. разр.). — Улан-Удэ: Бэлиг, 2001. — С. 33.

20. Бутанаев В. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. — Абакан: ХГУ, 1999. — С. 236.

21. Бутанаев В. Социально-экономическая история хакасского аала (конец XIX начало XX века). Абакан: ХГУ, 1987.

22. Бутанаев В. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. —Абакан: ХГУ, 2003. — С. 260.

23. Бутанаев В. Хакасский исторический фольклор. — Абакан: ХГУ, 2001. — С. 132.

24. Бутанаев В. Народные праздники Хакасии. — Абакан: ХГУ, 1999. — С. 57.

25. Бутанаев В. Национальные блюда хакасов. — Абакан: ХГУ, 1994. — С. 31.

26. Бутанаев В. Происхождение хакасских родов и фамилий. ХГУ. —Абакан, 1994. — С. 93.
27. Бутанаев В. Степные законы Хонгорая. Абакан: ХГУ, 2004. — С. 278.
28. Бутанаев В. Топонимический словарь Хакасско-Минусинского края. — Абакан: ХГУ, 1995. — С. 267.
29. Бутанаев В., Верник А. Детские игры и спортивные состязания народов Хакасии. — Абакан: ХГУ, 1995. — С. 53.
30. Бутанаев В., Монгуш Ч. Архаические обычаи и обряды саянских тюрков. —Абакан: ХГУ, 2005. — С. 200.
31. Вайнштейн С. Мир кочевников Центральной Азии. — Москва: Наука, 1991. — 296 с.
32. Вайнштейн С. Загадочная Тува. — Москва: Домашняя газета, 2009. — С. 414.
33. Волков Г. Современное функционирование народной педагогики. —Чебоксары: издательство Чувашского РИП-КРНО, 1993. — С. 86.
34. Волков Г. Этнопедагогика чувашского народа. —Чебоксары, 1976.
35. Волков Г. Этнопедагогика. — Москва: Академия, 1999. — С. 167.
36. Герасимова К. Традиционная обрядность монгольских народов. — Новосибирск: Наука, 1990.
37. Герелхуу Н. Коптунуд тывалары. — Кызыл: Тываның ном үндүрер чери, 2007. — А. 46.
38. Голод С. Семья и брак: историко-социологический анализ. — С.-П., 1998.
39. Горелов И. Умеете ли вы общаться? —Москва, 1991.
40. Гребенников И. Основы семейной жизни. — Москва: Просвещение, 1991. — С. 157.
41. Грач А. Древние кочевники в центре Азии. — Москва: Наука, 1980. — С. 254.
42. Гумилев Л. От Руси до России. — Москва: Рольф, 2002. — С. 317.
43. Гумилев Л. Хунны в Китае.— СПб: Абрис, 1994.— С. 272.
44. Гумилев Л. Конец и вновь начало. — М., 1994.
45. Гуревич К. Психологическая диагностика. — Барнаул, 1993.
46. Гурвич И. Семейная обрядность народов Сибири. — Москва, 1980.

47. Гуров В. Социализация личности. — Ставрополь: Краевой институт усовершенствования учителей, 1993. — С. 182.

48. Дамчай О. К пятилетию разновозрастных отрядов (ст.). ж. «Башкы» № 2, 1996. — С. 71—73.

49. Дамчай О. Проблемы воспитания (ст.) ж. «Башкы» № 4, 1997. — С. 18—20.

50. Дамчай О. Салгал — школачы оолдарның хей-ниити эвилели. Ооң чижек программазы. «Башкы» № 4, 1997. А. 21—23.

51. Дамчай О., Уйнук-оол Т. Школа — кижизидикчи система. — Кызыл: ИРПО, 1999. — А. 50.

52. Даржа В. Тайны мировоззрения тувинцев-номадов. — Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2007. — С. 255.

53. Даржа В. Лошадь в традиционной практике тувинцев-кочевников. — Кызыл: ТувИКОПР СО РАН, 2003. — С. 155.

54. Даржа В. Традиционные мужские занятия тувинцев. — Красноярск: Офсет, 2009. — С. 589.

55. Дулов В. Социально-экономическая история Тувы XIX — начало XX вв. — Москва: Изд. Академии наук, 1956. — С. 608.

56. Дэвлет М. Листы каменной книги Улуг-Хема. — Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1990. — С. 119.

57. Дэвлет М. Петроглифы на кочевой тропе. — Москва: Наука, 1982. — С. 128.

58. Дружинин В. Психология семьи. — Москва, 1996.

59. Жирков Е. Как возродить национальную школу. — Москва: Просвещение, 1993. — С. 239.

60. Иргит И. Саян-Алтай — колыбель человечества. — Абакан, 2005.

61. Казырыкпай Б. Эр чол. — Кызыл: Тываның ном үндүрер чери, 2001. — А. 109.

62. Кара-оол Л. Термины родства и свойства в тувинском языке. — Кызыл: РИО ТувГУ, 2006. — С. 252.

63. Катанов Н. Очерки Урянхайской земли. — Кызыл, 2011. — С. 383.

64. Кенин-Лопсан М. Тыва улустун бурунгу ужурлары. — Кызыл: Тываның ном үндүрер чери, 1994. — А. 192.

65. Кенин-Лопсан М. Магия тувинских шаманов. — Кызыл: Новости Тувы, 1993. — С. 159.

66. Кенин-Лопсан М. Алгыши тувинских шаманов. — Кызыл: Новости Тувы, 1995. — С. 527.
67. Кенин-Лопсан М. Тыва чаңчыл. — Кызыл: Билиг, 2010. — А. 358.
68. Ковалев С. Психология современной семьи. — Москва, 1988.
69. Кон Ф. Экспедиция в Сойотию. За пятьдесят лет. (соч.) ч. III — Москва, 1934.
70. Кормушин И. Древние тюркские языки. — Абакан: ХГУ, 2004. — С. 336.
71. Кривдик В. Танец орла. — Кызыл: Новости Тувы, 1992. — С. 125.
72. Ксенофонтов Г. Шаманизм. — Якутск: Север-Юг, 1992. — С. 315.
73. Кужугет А. Зрелищно-игровые элементы в культовых обрядах тувинцев. — Кызыл: Республиканская типография, 2002. — С. 79.
74. Кужугет А. Духовная культура тувинцев: структура и трансформация. — Кемерово: КемГУКИ, 2006. — С. 320.
75. Куулар Д. Кыс-Халыыр. — Кызыл: Тываның ном үндүрер чери, 1996.
76. Куулар Х. Дикорастущие растения в традиционной тувинской кухне. — Кызыл: Тув ИКОПР СО РАН, 1997. — С. 106.
77. Культура тувинцев: традиция и современность. — Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1988. — С. 152.
78. Кюль-Тегин. Поэзия вечного камня. — Новосибирск: Наука, 2003. — С. 247.
79. Курбатский Г. Тувинские праздники. — Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1973. — С. 90.
80. Курбатский Г. Тувинцы в своем фольклоре. — Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2001. — С. 463.
81. Кыдыев В. Тайны древних курганов Алтая. — Горно-Алтайск: Ак Чечек, 2000. — С. 109.
82. Маадай-Кара. — Горно-Алтайск: Ак Чечек, 1995. — С. 207.
83. Маккиавели Н. Государь. — Москва: Олма Медиа Групп, 2010. — С. 303.
84. Маннай-оол М. Тува в эпоху феодализма. — Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1986. — С. 195.
85. Маннай-оол М. Тувинцы. Происхождение и формирование этноса. — Новосибирск: Наука, 2004. — С. 166.

86. Маннай-оол М. Археологические памятники Тувы. — Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1964. — С. 44.
87. Материалы по истории и культуре Республики Алтай. — Горно-Алтайск: НИИ ЯЛ., 1994. — С. 151.
88. Матпаадыр. — Кызыл: Тываның ном үндүрер чери, 1991. — А. 269.
89. Мелодии хоомея. — Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1994. — С. 107.
90. Минцлова К. Далекий край. — Кызыл: Новости Тувы, 1993. — С. 128.
91. Монгуш Д. Тувинский язык и письменность. — Кызыл: ГУП РТ Полиграф, 2009, — С. 248.
92. Монгуш М. Тувинцы в Китае. — Кызыл: Эне сөзү, 1997. — С. 78.
93. Монгуш М. Тувинцы Монголии и Китая. — Новосибирск: Наука, 2002. — С. 223.
94. Монгуш С. Тувинская детская игра «Сайзанак» и ее роль в обучении, воспитании и развитии детей. Материалы межрегиональной научно-практической конференции «Образование и учитель в XXI в.: проблемы и перспективы развития» 11—13 ноября 2010 г. — Кызыл: РИО Тув.ГУ, 2010. — С. 206.
95. Монгуш Ч. Уругнуң чугаазын сайзырадырынга дузалаар. ж. Башкы №4, 2011. — А. 95.
96. Монгуш Х. Тыва кижиниң үш доюн эрттирериниң чуруму. — Кызыл: Тываполиграф, 2010. — С. 83.
97. Намзал Э. Холу чемзиг авам сөңү. — Кызыл: Новости Тувы, 1995. — С. 153.
98. Народная медицина Хакаско-Минусинского края. Сборник. — Абакан: ХГУ, 1995. — С. 79.
99. Национальная школа: концепция и технология развития. — Москва: Просвещение, 1993. — С. 319.
100. Некрасов Ю. Художественная культура русского и тувинского народов. Учебное пособие для 5 класса. — Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2005. — С. 112.
101. Некрасов Ю.М. Русская художественная культура. Учебное пособие для 7 класса. — Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2002. — С. 109.
102. Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. — Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1980. — С. 167.

103. Овчинников В. Ветка сакуры. Корни дуба. Горячий пепел. — Москва: Советский писатель, 1987. — С. 607.
104. Ооржак С. Знаменитые борцы Тувы. — Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2005. — С. 171.
105. Ортун-Назын А. Чөөн чүктүң улусчу эмнелгеzi. — Кызыл: Тываның ном үндүрер чери, 2003. — А. 48.
106. Ондар Б. Краткий словарь гидронимов Тувы. — Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1995. — С. 45.
107. Ондар Б. Тувинская топонимика: проблемы, поиски, решения. — Кызыл: изд. ТувГУ, 2008. — С. 241.
108. Ондар Л. Национальное самосознание личности. — Абакан: Бригантина, 2009. — С. 172.
109. Отражение символики традиционной культуры в искусстве народов Байкальского региона и Центральной Азии. Материалы Международного круглого стола. — Улан-Удэ: изд. БНЦ СО РАН, 2001. — С. 252.
110. Письменное наследие тюрков. Тезисы международного симпозиума. — Кызыл, 2003. — С. 107.
111. Попов Б. Социалистические преобразования семейно-брачных отношений у народов Якутии. — Новосибирск: Наука, 1987.— С. 321.
112. Потапов Л. Очерки народного быта тувинцев. — Москва: Наука, 1969.— С. 402.
113. Преловский А. Поэзия древних тюрков. — Москва: Паритет, 1993. — С. 176.
114. Преловский А. Колчан сердечных стрел. — Красноярск: Русская энциклопедия, 1995. — С. 447.
115. Прохорова О. Основы психологии семьи и семейного консультирования. — Москва, 2005.
116. Резников Е., Товуу Н. Этнопсихологические характеристики народа тыва: теория и практика. — Москва: ПЕР СЭ, 2002. — С. 223.
117. Самдан З. Избранные научные труды. — Абакан: «Журналист», 2011. — С. 291.
118. Сафьянов И. Тува в прошлом (двухтомник). — Москва, ТИГИ, 2012.— С. 316.
119. Серошевский В. Якуты. — Москва: Российская политическая энциклопедия, 1993. — С. 736.
120. Сердобов Н.А. История формирования тувинской нации.— Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1971. — С. 482.

121. Салчак К., Салчак Л. Тыва улусчу педагогиканың хөгжүлдeзи. — Кызыл: Тываның ном үндүрер чери, 1984.
122. Самбу И. Тыва оюннар. — Кызыл: Тываның ном үндүрер чери, 1995. — А. 145.
123. Самдан З. Хранители духовной культуры. — Кызыл: Аныяк, 2011. — С. 151.
124. Серен П. Моолда тываларның чаңчылдары. — Кызыл: Күрү-нениң парлалга комитeдиниң типографиязы, 2000.— А.55.
125. Сиянбил М., Сиянбил А. Традиционный тувинский костюм. — Кызыл: Республиканская типография, 2000.
126. Сухомлинский В. О воспитании. — Москва, 1982.
127. Сундуй Г. Мир детства кочевой Азии. — Кызыл: ИРНШ, 2009. — С. 168.
128. Смирнова Е. Младенчество. — Абакан, 1997.
129. Стефаненко Т. Этнопсихология. — Москва: Академи-ческий проект, 2000. — С. 320.
130. Столетов В. Диалоги о воспитании. — Москва: Педа-гогика, 1987. — С. 319.
131. Тадина Н. Алтайская свадебная обрядность XIX–XX вв. — Горно-Алтайск: Юч Сумер, 1995. — С. 214.
132. Травина И. Шорские народные сказания, песни и наигрыши. — Москва: Композитор, 1995. — С. 134.
133. Традиционная культура тувинцев глазами иностран-цев.— Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2003.— С. 223.
134. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Человек. Общество. — Новосибирск: Наука, 1989. — С. 216.
135. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сиби-ри: Знак и Ритуал. — Новосибирск: Наука, 1990. — С. 208.
136. Тувинские героические сказания. — Новосибирск: Наука, 1997. — С. 583.
137. Тувинские народные сказки. — Новосибирск: Наука, 1994. — С. 456.
138. Тыва дептер. 7 томов. Составитель С. К. Шойгу. — Москва: Слово, 2008.
139. Тыва чечен чогаал: сөөлгү үениң шинчилелдери. — Кызыл: Тываполиграф, 2009. — А. 207.
140. Тыва улустун алгыш-йөрээлдери. — Кызыл: Тыва-ның ном үндүрер чери, 1990. — А. 141.
141. Тыва тывызыктар. — Кызыл: Тувинское книжное из-дательство, 2002. — А. 253.

142. Тюнников. Ю. Национальное самосознание: сущность и принципы формирования. — Казань, 1994. — С. 88.

143. Уламсуренгийн Ц. Образцы фольклора и речи кобдоских тувинцев. — Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2003. — С. 191.

144. Уткин К. Культура народа саха. — Якутск: Бичик, 1998. — С. 368.

145. Фельдман В. Власть: теории, социальные функции, исторические формы и состояния. — Кызыл: ТувГУ, 2002. — С. 35.

146. Фольклорное наследие Горного Алтая. Сборник статей. — Горно-Алтайск: НИИЯЛИ, 1989. — С. 231.

147. Хакасский героический эпос. — Новосибирск: Наука, 1997. — С. 477.

148. Хан-Шилги аъттыг Хайындырыңмай Багай-оол. — Кызыл: Тываның ном үндүрер чери, 1997. — А. 118.

149. Хохлачев В. Все о чае. — Москва: Просвещение, 1987. — С. 206.

150. Червонная С. Художники Республики Тыва. — СПб: Художник России, 1995. — С. 183.

151. Чүлдүм Ч. Улусчу педагогиканын ужук дестери. — Кызыл: Тыванын ном үндүрер чери, 2002. — А. 102.

152. Чүлдүм Ч. Шагаам — сүзүглелим. — Кызыл: Парлалга комитетиниң типографиязы, 1999. — А. 157.

153. Шатинова Н. Семья у алтайцев. — Горно-Алтайск: Алтайское книжное издательство, 1981. — С. 183.

154. Школа воспитания: 825-й маршрут. — Москва: Педобщ. России, 2004. — С. 415.

155. Шойгу К. Перо черного грифа. — Кызыл: Новости Тувы, 2001. — С. 239.

156. Шойгу К. Танну-Тыва: страна озер и голубых рек. — Москва: Редакционно-издательский центр Ассамблеи народов России, издательство «Новости Тувы», 2004. — С. 216.

157. Шерхунаев Р. Сказки и сказочники Тофаларии. — Кызыл, Тувинское книжное издательство, 1977. — С. 324.

158. Щуркова Н. Воспитание: новый взгляд с позиций культуры. — Москва: Педагогический поиск, 1997. — С. 76.

159. Щуркова Н. Воспитание детей в школе. — Москва: Новая школа, 1998. — 206 с.

160. Щуркова Н. Школа и семья: педагогический альянс. Москва: Педобщество России, 2004. — С. 111.

161. Юрта — традиционное жилище кочевых народов Азии. Тезисы конгресса национальных систем образования. 3 части. — Кызыл: Билиг, 2004. — 260 с.

Приложение

Прилагаются разработки, раскрывающие основное содержание некоторых тем.

Этнопедагогический потенциал свадебного обряда тувинцев

Под свадебным обрядом подразумевается целый цикл последовательных действий, состоящих из восьми этапов.

В конце XIX начале XX века отдельные эпизоды свадебного обряда тувинцев описывали исследователи В. Ладыгин, Е. Яковлев, Ф. Кон, Г. Грумм-Гржимайло, А. Турчанинов [6].

В советское время этнографический анализ свадебного обряда сделан Л. Потаповым. Сведения о свадебном обряде имеются в трудах М. Кенин-Лопсана, С. Биче-оол.

Создание семьи для тувинцев было обязательным [5]. До сих пор считается «бут кырынга тургузар» — «поставить на ноги», значит женить или выдать замуж.

У тувинцев, как и у алтайцев, только семейный человек имел отдельную юрту [8]. Отсюда выражение «өглээр» — «обеспечить юртой» является синонимом выражений «женить, выдать замуж».

Представления о браке выражены в поговорке: «Тыва кижии үш дойлуг: төрүттүнгенде, өгленгенде, өлгенде» — «У тувинца три тоя: когда родится, когда женится, когда умрет», в поучении: «Чаңгыс чорба, эштиг чор. Чалгаа чорба, кежээ чор» — «Не будь одиноким, имей пару, не будь ленивым, будь трудолюбивым» [5]. Интересно, что у хакасов есть аналогия тувинской пословицы «Чаңгыс кезек от болбас, чаңгыс кижии кижии болбас» — «Одно полено не костер, один человек не человек»: «Ведь дерево

одно — не лес, одно полено — не очаг, один мужчина — не семья» [8,245].

В создании новой семьи был заинтересован и принимал участие весь род. Это событие огромного значения — роднились два рода. О роли многочисленной родни пословица: «Дэрт кижн төрүдөр, дөртөн кижн бажын билир» — «Четверо порождают, сорок управляют». Родители должны учитывать мнение родичей: «Ужурдан эрткен чүве чок» — «Нет ничего сильнее традиции». Легенда о горе Чатка в Хакасии гласит о том, что двое влюбленных из одного рода пренебрегли мнением родичей и связали свои судьбы. Они поселились у подножия скалистой горы. В роду начались беды, напасти. Родичи убили молодых супругов, а их ребенка сбросили со скалы. С этих пор гора называется Чатка даа — Гора проклятий [2].

Старых дев и старых холостяков остерегались [7]. Считалось, что женщина, не родившая ребенка, не может прочувствовать чужую боль: «Ие кижн изиг баарлыг» — «Сердце матери полно сострадания». Место старой девы в юрте перед үлгүүр — буфетом. Это место змеи. Старая дева коварна, зла и завистлива, у нее ядовитый язык, подобный жалу змеи: «Аас айыылдыг» — «Злоязычие опасно».

У хакасов отношение к старой деве более терпимое. Ее почитают, как хранительницу родительского очага: «Злые невестки оставили пожилую женщину и откочевали. Она поймала старого вола, отбившегося от стада, села на него, приехала в новое кочевье, сказала, что с этих пор невестки будут молиться на нее и стала духом — хозяйкой очага» [2].

Место старого холостяка у левой стороны двери. Это место овцы — «тодуг чарык» — «сытное место». Туда зимой привязывают молодняк скота, летом на крюк подвешивают мясо. Старый холостяк не имеет своей юрты. В кочевом обществе любой член общества защищен: за каждым человеком — семья или род. «Дулгуяктың чыр-

галы хырнында» — «Удача старого холостяка в сытом желудке». Гостевой этикет предписывает накормить любого, кто войдет в юрту: «Аалга кирген киж и аяк эри и ызырар, арга кирген киж и саат дайнар» — «Кто в юрту войдет, тот чай пьет, кто в лес пойдет, тот серу жует».

Первый этап свадебного обряда назывался «поиски невесты» — «келинни тывары» или сговор родителей.

«Колыбельный сговор» совершался, когда родители договаривались в будущем сосватать совсем еще малолетних детей. Родители мальчика начинали подбирать будущую жену для своего сына иногда до рождения невесты, конечно в случае, если родится девочка. При этом необходимо было соблюсти экзогамию — запрет брака внутри рода до седьмого колена, придавали значение разнице в возрасте, обращали внимание на генеалогию — учитывали наследственные факторы.

Забота о судьбе сына, тревога о том, какая попадет невестка, выражена в колыбельной песне:

Кара дуруя ужуп келгеш
Кайы шөлге хонар ирги?
Кадай оглу өзүп келгеш
Кандыг кыска дужар ирги?
(Черный журавль прилетит —
На каком поле будет гнездиться?
Матери сын подрастет —
На какой девушке женится?)

Из практических соображений старались брать жен из соседних родов, хотя говорили: «Кедер хептиң чаазы эки, келин кыстың ыраа эки» — «Одежда хороша новая, а невеста — дальняя». Может быть, имелось в виду не родственница.

Имелись предпочтения в выборе невесты: хертеки женились на кужугетах, монгуши на ондарах, ооржаки на кууларак, оюны на байкара:

Ол-ла чарык, бо-ла чарык
Ийи чурттуг болурум кай.

Ооржак оглу, ондар оглу
Ийи эштиг болурум кай.
(Левый и правый берега реки —
Иметь бы мне две родины.
Ооржака и ондара сынов —
Иметь бы мне двух дружков)

Невестку называли «келин» — пришлая. Благодаря экзогамным бракам из разрозненных родов сложилось племя, стала возможной консолидация общества, становление и развитие государственности.

Экзогамные браки использовали в политических целях. Чингис-Хану приписывается изречение: «У каждой хатун (кадын) три мужа: родина, доброе имя, мужчина». «Хатун» (кадын) — это жена правителя. Прежде всего, женщина должна служить родине. Не случайно женщины обучали своих детей родному языку. Язык выражает дух народа. Это один из признаков этноса, важнейший компонент развитого национального сознания. Значит, ребенок воспитывался в духе самоидентификации с родом матери. Воспитание будущих правителей, надежных, верных, предсказуемых подданных очень важно для укрепления единства государства.

В тувинских героических сказаниях иногда мать или сестра становятся врагами герою и его отцу. Это выражено и в хакасской легенде: «Ты силой взял меня, чтоб слуг себе родить. Теперь их нет, и больше нет причин для слез и для тревог. Никто из них теперь не явится врагом на родину мою!» [8, 288].

Об этом же и следующая притча: «Муж, сын, брат одной женщины попали в плен к войскам Чингис-Хана. Женщина сумела пробраться к хану, упала перед ним на колени и попросила отпустить дорогих ей пленников, Хан обещал отпустить только одного из них, она должна сделать выбор. Женщина рассудила так: «Мужа я себе найду, сына себе рожу, а вот брата у меня уже не будет». В награду за мудрый выбор, хан отпустил всех троих».

Это же подтверждает пословица: «Алышкылар найыралы чалым хаядан быжыг» — Братская дружба крепче каменной скалы». Об этом же и обычай «аванкулат» — особое уважительное отношение к дяде по матери: «Даай көргенде, чээн амыраар» — «Завидев дядю, племянник радуется», вопрос «Даай улуг бе, даг улуг бе?» — «Что выше: гора или дядя?» Ответ: «Даай» — «Дядя». Значение аванкулата объясняет хакасская легенда, переданная В. Бутанаевым: «В старину родители выгнали из аала дочь, которая внебрачно забеременела. Об этом узнал старший, отделившийся от родителей, сын. Он отыскал в степи свою сестру, приютил ее, вырастил незаконорожденного племянника как своего сына. С тех времен у хакасов дядя по матери почитается особо»

Экзогамия распространялась не только на родственников по отцу, хотя родство велось по отцовской линии, но и по матери. У алтайцев женитьба на дочери дяди по матери считалась предпочтительной, у тувинцев такой брак недопустим [8].

У тувинцев сорорат — женитьба на родных сестрах, был запрещен, тогда как у хакасов такой брак был возможен: «Вот Абахай-Пахта. Нашлась! Возьми ее второй женой к себе». (Первой женой стала младшая сестра Абахай-Пахта) [8, 289].

Если мальчик и девочка были одногодками, девочка считалась старшей. Это подтверждают и современные исследования. В частности, исследования Лаборатории здравоохранительных проблем образования Московской области под руководством доктора медицинских наук В. Базарного. В пубертатный период развитие девочки ускоряется. Разница между физиологическим, психическим, интеллектуальным развитием составляет три года.

Девочку сватали в 15, 17, 19 лет, а мальчику должно быть 18, 20, 22 года [3]. Значит, муж должен быть старше жены не менее чем на три года. Главой семьи должен быть мужчина, он и должен нести ответственность за будущее благосостояние семьи.

При подборе невесты тщательно изучали родословную, советовались с родственниками. Считали: «Мурнуу даванның изин соңгу даван часпас» — «Задние копыта идут по следу передних». Это аналогично русской поговорке: «Яблоко от яблони недалеко падает», узбекской: «От яблони персик не уродится».

При колыбельном сговоре имели значение достоинства семьи девочки, так как не распознаешь ни обличье, ни характер будущей невесты, когда она лежит еще в колыбели. Значит, невесту выбирали по ее родителям. В этом выборе не имели значения чувства жениха и невесты. «Чажынга аът өрттээр эвес, чаражынга шай хайындырар эвес» — «На косе коня не стреножишь, на красоте лица чай не сварить». Выбору родителей подчинялись беспрекословно. Это отразилось в тувинских героических сказаниях. Сюжет строился обычно на том, что отец героя отправлял сына за невестой, отцу которой он когда-то подарил «аът бажы алдын, берү бажы мөңгүн» — «золота с конскую голову, серебра с волчью голову», закрепляя права на невесту. В поисках невесты герой совершал подвиги.

Если колыбельный сговор осуществляли отцы, они обменивались кремнием от огнива. Камень имел символическое значение. По мнению исследователя этнографии тувинцев В. Дьяконовой, камень был символом смерти. До проникновения буддизма в Туву, тувинцы покойников закапывали в землю, под голову клали камень. Подростая дочь выходила замуж и навсегда уходила в чужой род. Она, все равно, что умирала для родителей. Поэтому слово «херээжок», обозначающее лицо женского пола, буквально, переводилось как «ненужная». Желая узнать пол новорожденного ребенка, алтайцы спрашивали: «Керек ба? Керек йок ба?» — «Нужный или ненужная?» [9].

У калмыков перед отъездом в аал мужа женщина обстригала ногти и закапывала их в землю под кроватью родителей. Родственники, вернувшись со свадебного пира в аале мужчины, мыли руки, как после похорон.

Если колыбельный сговор совершала мать мальчика, она в колыбель подкладывала козью шерсть и высказывала пожелание о том, чтобы в будущем девочка стала ее невесткой [3].

При колыбельном сговоре бурятские отцы обменивались кушаками [1].

Некоторые семьи кочевали недалеко друг от друга и создавали условия, чтобы дети с детства играли вместе.

По достижении брачного возраста сына, если невеста для него еще не была подобрана, родители и родственники приглядывались к девушкам, наводили сведения о них, об их родителях и выбирали подходящую невесту.

В поисках невесты обращались к ламам или советовались с ними по поводу той или иной девушки. Те по гороскопу определяли, будет ли благоприятным брак с предполагаемой невестой [3]. Если же выбор еще не был сделан, советовали в каком направлении света искать невесту, называли признаки, по которым надо вести поиски: род, возраст, статус семьи.

Были случаи похищения невесты. Исследователь традиционной тувинской кухни Намзал Э.Х. рассказала историю о похищении невесты: «В Тес-Хеме жил молодой парень. Он был круглым сиротой, не имел своей юрты, скитался среди родственников. Парень был умелым плотником. Он выполнял различные заказы, за работу с ним рассчитывались скотом. Парень скот не забирал, оставлял в том же аале, только просил присмотреть за ним. Однажды он ладил лодку в одном аале и при этом пел песню:

Калчаа хемни кежер кылдыр
Хемеңерни эптеп берейн.
Кээргенчиг оол меңээ
Хеймер кызың берем, угбай —
(Чтобы бурная река не была вам преградою,
Слажу вам надежную лодку,
Чтобы жизнь сироты стала полнокровною,
Прошу руки вашей младшей дочери).

Через некоторое время искусный парень и младшая дочь семьи исчезли. Мать девушки припомнила песню юноши и догадалась, что они бежали вместе. Родители невесты выделили ей приданое: юрту с убранством, скот, одежду по сезонам. Родичи юноши собрали скот, который он заработал. Трудлюбивая пара жила в достатке и счастливо».

Юноша-сирота, видимо, решил похитить любимую, чтобы избежать многочисленных обрядов, в которых предполагается участие родителей и родственников с обеих сторон.

Исследователи отмечали существование у тувинцев левирата [7], как и у других тюркоязычных народов, в частности, у башкир (трагедия Мустая Карима «В ночь лунного затмения»). Женидьба младшего брата на вдове старшего была обусловлена экономическими соображениями и заботой о судьбе детей-сирот, желанием закрепить их за родом отца. Вдова имела право вернуться в свой род. Тогда с ней уходили и дети. Она имела право забрать с собой все имущество и скот, вторично выйти замуж. Роду мужа это было невыгодно ни с материальной точки зрения, ни с демографических соображений.

Второй этап — «айтырары» — «испрашивание согласия родителей» или сватовство. По достижении брачного возраста невесты, родители жениха, дед или «даай» — дядя по матери с женой наносили визит родителям невесты. «Даай» считался самым близким родственником для племянников после родителей: «Даг көргенде берү амыраар, даай көргенде чээн амыраар» — «Завидев гору, волк радуется, завидев дядю, племянник радуется».

Иногда брали с собой человека, хорошо знающего обычаи, умеющего складно говорить, петь, импровизировать, словом, мастера общения. Про таких людей говорили: «Чечек — черде, чечен — менде» — «Цветы на земле, красноречие у меня». У русских — это сваха.

Кочевой быт располагал к размеренности, неторопливости, основательности. Планировали и готовились к

сватовству загодя: “Улуг үүлө чайгаар бүтсүн” — “Большое начинание сбывается постепенно”, “Далашкан күске сүтке дүшкен дээр” — “Говорят, торопливая мышь утонула в молоке”. С собой брали «кадак» — ритуальные шелковые шарфы, «дадаазын» — кожаные ленточки, «көгээржики» — кожаные фляжки с «аракой» — молочной водкой, вареное мясо барана, разделанного в соответствии с этикетом, «быштак» — сыр и другие блюда.

Родители девушки встречали сватов в соответствии с гостевым этикетом. Помогали спешиться, привязывали коней к коновязи и приглашали в юрту. Курили трубки, угощались чаем. В это время в юрту собирались близкие родственники. Приехавшие развязывали переметные сумы, вынимали содержимое, подносили кадак и дадаазын, араку, мясо, другие продукты и начинали разговор. Переходили на высокий стиль по отношению к родителям невесты, при характеристике отсутствующего жениха применяли прием уничижения: «Силерниң бедик эктиңерге даянып, алгыг эдээңерден туттунуп чоруур кылдыр, багай балдыр-бээжек оглуруска ай-хүн херелдиг алдын даңгына дег кызыңарны айтырып чор бис». — «Позвольте нашему неказистому сыну в жизненном пути опереться на ваше могучее плечо, держаться за ваш широкий подол. Окажите нам великую милость, дайте согласие на брак с вашей луноподобной, солнцеликой, благоразумной, трудолюбивой красавицей-дочерью» [6].

В стихотворно-афористической форме, прибегая к различным символам, метафорам, поговорочным эффемизмам, просили у родителей дочь: «Пажыңарның паалыбырын, одуңарның кезээн, боолук кара хачыңарны, үш бистиг эгээңерни, сыртыңар бажында алдын бистиг те-венени колдап келдивис» — «Мы пришли просить у вас прихватку для казана, головню от очага, черные ножницы, трехгранный напильник, иглу с золотым острием» [5, 197].

Родители невесты принимали подарки, распивали привезенную араку, ели мясо, представляли гостям своих родственников. Затем давали ответ: «Чорууңар чогаан!» — «Ваш визит удался, вы достигли своей цели» [6]. Если же отказывали в сватовстве, то возвращали подарки и замещали выпитую араку и съеденное мясо таким же количеством продуктов. Обычно араку и продукты тут же распивали и съедали вместе и мирно расходились. Больше сватовство не возобновлялось.

Чтобы не случилось подобных казусов, заботились о том, чтобы заранее дать знать о цели будущего визита. Сторона девушки тоже давала знать о своих намерениях. Если знали, что сватовство обречено, то и не предпринимали никаких действий, а продолжали поиски невесты. Если же сватовство состоялось, девушка считалась просватанной. Ей уже нельзя участвовать в молодежных играх «ойтулааш» — ночных игрищах молодежи из разных аалов.

Третий этап — «шай бузары» («дробление чая»).

Дробить чай приезжали в том же составе, что и на сватовство. Привозили кадак, дадаазын, араку, мясо, другие продукты, обязательно кирпич зеленого чая и пачку китайского табака. В юрте родителей невесты собиравались близкие родственники. Отец жениха на кадаке почтительно подносил матери невесты кирпич чая, отцу невесты — пачку табака.

Чай и табак доставляли из Китая. Это были очень дорогие, но необходимые продукты. Чай был незаменимым напитком в кочевом быту. В чай клали вареное остывшее мясо, на чае замешивали далган — муку из жареного ячменя, тараа — просо или боорзак — жареное печенье. Недаром говорили: «Чажынга аът өрттээр эвес, чаражынга шай хайындырар эвес» — «На кося коня не стреножишь, на красивом лице чай не сварить».

Курение табака было дорогим удовольствием, вредной привычкой. Курили и женщины, и мужчины. Конечно, ограничения были. Курительные принадлеж-

ности носили и курили только женатые мужчины. Когда случались перебои с чаем и табаком, все очень страдали [5] .

Мать невесты передавала чай мужу, тот дробил чай, распаковывал табак и одарял им всех присутствующих: «Кара дашка харыылыг» — «На угощение принято отвечать». Получившие чай и табак должны были принимать участие в подготовке «өнчү» — приданого невесты. По этому поводу говорили: «Дөрт кижиге төрүдөр, дөртөн кижиге бажын билер» — «Четверо порождают, сорок управляют».

Приданое невесты состояло из юрты с полным убранством, одежды и обуви невесты по сезонам, оберегов, украшений, скота.

Четвертый этап назывался «дүгдээри» — «обручение. На обручение родители и родственники впервые привозили жениха. На него надевали шелковый тон — нарядную верхнюю одежду, к поясу прикрепляли нож в ножнах и курительные принадлежности — атрибут женатого мужчины. К шапке прикрепляли две красные ленты — маак. Знатоки традиционной культуры цингельских тувинцев Зодч Дайна толкуют значение маак, как числовую символику, отражающую новый статус молодого человека: он теперь не один. Пригоняли «беш берт бежен кара мал» — «пять видов скота в количестве пятидесяти». Возглавлять скот должны кони, коровы, верблюды. Количество крупного скота зависело от состоятельности родителей жениха. Остальной скот составляли овцы и козы. Сторона жениха к этому приезду готовилась основательно. Они привозили значительное количество араки и еды для пира. Об этом обряде много песен. Вот строки из песни нового времени:

Сарбаа-биле сатпаан-на мен,
Сагыш-биле алган-на мен.

(Милую взял по любви,
А не обменял на коня)

В песнях изливали душу, жаловались на свою долю:

Авыралдыг мээң авам
Албыстай-ла бербээн деп бе?
Азырап каан чаңгыс кызын
Алды-бешке садып алган.

(Может ума лишилась
Меня родившая мать:
Свою единственную дочь
За шесть-семь (голов скота) продать)

Невесте меняли девичий тон на женский с усеченным подолом. Усеченный подол тона символизировал плодородие. В Кунгуртуге бытует притча о том, как мать кроила дочери свадебный наряд и при этом приговаривала: «Скрою так, чтобы узоры совпадали. Пусть жизнь моей дочери будет полнокровной и красивой. Полы сделаю широкими. Пусть на передней — дети играют, на задней — ягнята резвятся. Нижнюю полу на два пальца сделаю короче. Пусть дочь, заметив этот изъян, вспомнит свою старую мать и проведает меня, даст понянчиться с внуками. Рукава сделаю длинными, чтобы на чужих людях дочь лишнего не болтала, рот рукавом закрывала. өршээ, хайыракан! өршээ! өршээ!»

Девичьи короткие серьги меняли на массивные до плеч, гладкие девичьи кольца — на женские с большими пластинами со вставками из кораллов и бирюзы.

Серебряные серьги имели значение оберега. Тувинцы полагали, когда человек умирает, из его тела уходит «тын» — душа. Жизнь может вернуться в тело, если тын, обрываясь, ухватится за серьги жены или матери. До женитьбы тын охраняется матерью, после женитьбы — женой. О значении длинных женских серег рассказала кандидат филологических наук З.Б. Самдан: «Одной женщине приснилась дочь-покойница. Дочь укорила мать в том, что когда ей было особенно трудно бороться за жизнь, ей не за что было ухватиться. В это время у матери не было серег».

Серебряные пластинчатые перстни имели дезинфицирующее свойство. Руки в серебряных перстнях способствовали быстрому заживлению ран.

Обряд «дүгдээр» символизировал переход девушки в разряд замужних женщин. Жениха и невесту усаживали на «энчек» — войлочный белый ковер. Жених — справа от невесты. Локти соединяли белой ритуальной лентой «чалама», ладони мазали маслом, чтобы было «холу чемзиг» — «руки пахли едой» — символ сытой, благополучной жизни. Жениху в зубы давали «хой чырыы» — кусок вареной бараньей губы, невеста должна была откусить кусок от нее. Это называлось «чырыктажыр». Когда люди ссорятся, говорят «аас былаажыр» — «отнимать рот». Кусок бараньей губы символизирует ссору. Это намек на то, чтобы молодые жили в согласии. Пусть в совместной жизни делят только баранью губу.

Затем расплетали девичью косу невесте, распускали косу жениху. Смешивали и заставляли угадывать волосы друг друга. Если волосы сливаются, это хороший признак. Невесте меняли прическу на женскую. Отныне она не должна носить одну косу. Новая прическа выглядела так: две косы на висках, три — на затылке, все косы на спине соединяли «чавага» — серебряной пряжкой. Прическу меняла жена дяди по матери. Эта женщина должна быть в счастливом браке, жить в согласии с мужем, иметь детей, быть состоятельной и пользоваться уважением в обществе. Видимо, ее положительная аура должна была повлиять на супружескую жизнь невесты. Новую прическу украшали серебряными пряжками, при этом пели: «кежегезин хиндиктеңер» — удлиняйте косу, «чавагазын салбактаңар» — разглаживайте бахрому, «бошкунун борбактаңар» — узелком прикрепите к косе.

После проведения обряда говорили: «Дөрт херээн дөгердивис, дөртөн чажын чардывыс» — «Четыре дела порешили, сорок косичек расплели»

Может быть, тувинки в древности носили сорок косичек, как девушки многих тюркоязычных народов.

Хакасской невесте расплетали 50–60 косичек — сюрмес и заплетали в две косы — тулунг на празднике сас тойы — праздник косы.

Сторона жениха устраивала пир. Проводились увеселительные мероприятия.

На следующий день родственниками невесты задавался «харыы арага» — ответный пир. В этот же день родственники жениха уезжали домой. Перед отъездом у них забирали любую понравившуюся лошадь со снаряжением: «мал чайып аар» — забрать коня. Алтайцы приводили и привязывали к коновязи родителей невесты оседланного коня. Этот конь назывался «подарочный конь зятя».

Жених оставался в аале невесты. Этот этап назывался «күдээлээр» — зятевать, показать свою силу, умение сноровку, чтобы заслужить невесту.

У алтайцев этот этап назывался «отработка за жену» и должен был длиться год [8]. У казахов жених привозил калым, в стойбище невесты игралась свадьба, муж некоторое время жил у жены. Потом перевозил ее к себе. Эти моменты очень подробно описаны Мухтаром Ауэзовым в романе «Абай».

Тувинцы говорили: «Кула-Дойнуң маңын көөр, күдээниң күжүн көөр» — «У коня надо ход узнать, у зятя — силу проверить». Молодым ставили временную юрту. Две семейные пары никогда не жили в одной юрте.

С точки зрения психологии это очень мудро, дать молодым привыкнуть, адаптироваться друг к другу в аале жены. Ведь потом, когда она переедет в аал мужа, ей легче будет перенести разлуку с родными, когда рядом будет находиться ставший близким муж.

Для зятя это время испытаний. Он должен показать себя с лучшей стороны. Может быть, за время проживания в аале жены, у мужчины изменится жизненная позиция. Какие-то шероховатости в характере могут сгладиться: «Хырнын чажырарга аштай бээр, кылыын

чажырарга кестү бээр» — «Как не скрывай — характер проявится». Если же у молодых окажутся несовместимые характеры, мужчина возвращается в свой аал, родственники невесты возвращают скот и возмещают затраты со стороны жениха. Если же жених не будет соответствовать ожиданиям стороны невесты, его могут попросить уехать. Это для него позор, поэтому зятя старались продемонстрировать свои лучшие качества, трудолюбие, сноровку, умение общаться, словом, понравиться новой родне.

Следующий этап называется «товун айтырары» или «хооралдаары». Родители мужчины приезжают договариваться о дне переезда невесты в аал жениха. Срок зависит от подготовки приданого невесты. У состоятельных людей этот срок сокращается, у людей среднего достатка может растянуться до трех лет. За это время у молодых могут появиться дети.

Во время подготовки приданого родители невесты могут поехать в аал жениха «малдаар» — «за скотом». Родственники жениха стараются максимально удовлетворить запросы сватов, так как все их расходы окупятся приданым невесты, которое значительно превысит размеры затрат стороны жениха: «Кыстыг кижиге бай» — «Имеющий дочь — богач», «Кыстыг кижиге чоргаар» — «Имеющий дочь диктует свою волю», «Кыстыг кижиге кыя сөглээр» — «Имеющий дочь говорит намеками».

Подготовка приданого — забота всего рода невесты. Надо подготовить новую юрту с полным убранством. Это долговременный и трудоемкий процесс. У состоятельной невесты должно быть не менее 10 тонов на все сезоны. Столько же пар обуви. Родители должны позаботиться о ее украшениях, оберегах. Если выдавали замуж сироту, авторитетная женщина обходила с ней все семьи аала и собирала необходимое для самостоятельной жизни. Этот обычай назывался «селиктээр» — залатать дыры.

Заключительный этап свадебного обряда — переезд невесты в аал жениха.

За три дня до условленного срока из аала жениха приезжают посланцы: «Ачылга чедирер, өг чүдүрер» — «Оказать содействие, погрузить юрту». Они увозят юрту. У ценгельских тувинцев в качестве выкупа оставляют кирпич зеленого чая, завернутый в шелковую ткань — «тоннук торгу» (5 метров шелка на тон).

В назначенный день рано утром спешно в аал жениха отправляется два гонца. Они приезжают в аал жениха и говорят, что потеряли сивого быка и разыскивают его. Хозяева заверяют, что бык у них в загоне и начинают угощать приезжих. Они стараются напоить их допьяна и уложить на дороге, подложив под головы сухие коровьи лепешки. У бурят гонцы говорят, что ищут сивого быка или верблюда [1]. Приезд гонцов обозначает, что свадебный кортеж невесты уже в пути.

Невесту наряжают в новый шелковый тон, в свадебный головной убор «думаалай». Это маленькая шапочка «довурзак» или кожаный обруч с нашитыми на него свисающими коралловыми бусами и серебряными монетами, к которому пришиваются три полосы тонкого шелка. Одна полоса закрывает лицо, две — плечи и спину. На макушке шапки крепится перо павлина. Поверх думаалай надевается «баштаңгы» — бархатный платок с прорезями для глаз и продолговатым, расшитым бусами, отверстием на темени для пера павлина. Назначение этого отверстия так и не понял Ф. Кон, который был поражен роскошью свадебного головного убора богатой тувинки из рода оюнов.

У алтайцев невесте закрывали лицо «көжеге» — занавеской [8]. В пределах своего аала она была под защитой духов аала, по пути к аалу жениха она теряет защиту и покровительство своих духов. Невесте закрывали лицо, чтобы уберечь от сглаза, порчи. У бурят свадебный убор надевали на младшего брата невесты, пытаясь обмануть нечистую силу [1]. Может быть, поэтому и тувинцы закрывали лицо невесты.

На коней, верблюдов грузили приданое невесты. Ее

сопровождали родители, близкие родственники, подруги. Невеста ехала на коне с богатым снаряжением. Ее коня под уздцы вел один из сопровождавших.

На берегу Пий-Хема есть узкое ущелье Эзер-Алба, которое переводится буквально «не забирай седло». О происхождении названия ущелья поведал старейший журналист Маады Кара-Тоннуг: «Один богатый человек из Бегирээ перевозил дочь в аал жениха в Тапсы. Конь невесты был убран серебряной уздечкой и серебряным седлом. В узком ущелье коровы столкнули лошадь невесты в обрыв. Отец только успел крикнуть: «Эзерим алба!» — «Не забирай седло!»

Скот невесты может следовать за свадебным кортежем, может быть доставлен и позже. В.Бутанаев описал проезд невесты в аал жениха: «Родители невесты разрешили дочери забрать из скота все, что она захочет. Дочь выбрала весь молодняк. За молодняком последовали и матки. Невеста оглянулась посмотреть, сколько скота идет за ней, как вдруг весь скот исчез» [2]. Отсюда и выражение у тувинцев “хая көрнүр” — “не оглядывающаяся родня” — отчужденная, ставшая чужой, дальней.

По пути следования свадебного кортежа сторона жениха встречала их на перевалах. На перевалах тувинцы устанавливали оваа — груды камней с шестом посередине. Каждый путник спешивается, добавляет камень, сопровождая сокровенной молитвой, к шесту привязывает белую или голубую чалама-ленточку «актаар-көктээр», оставляет еду. Этот ритуал посвящается духу-хозяину перевала, чтобы умиловить его, расположить к себе, испросить благословения.

Свадебный кортеж останавливается на перевале, встречающие приглашают к чаю. Сколько будет в пути перевалов, столько и будет остановок и встречающих. То же самое описывают и исследователи алтайской свадьбы [9].

Недалеко от аала молодые ребята со стороны жениха выезжают за «верблюжьим кадаком». К вьюку одного

из верблюдов привязывается кадак. Удальцы должны сдернуть кадак и попытаться, передавая друг другу, увести кадак в свой аал. Сторона невесты старается вернуть себе кадак. Если же кадак упускается, виновного снимают с коня и пересаживают на верблюда. На его коня пересаживают пожилую женщину, чтобы показать, что на таком коне должна ездить только старуха. Это наказание для упустившего кадак. Это состязание называется «кадак чүгүртүр» — «бег кадака» или «эстафета с кадаком».

У алтайцев молодые парни, подъехав к свадебному кортежу, не спешиваясь с коня, подают деревянное блюдо с мясом, вдруг резко разворачиваются и пытаются уехать в свою сторону. Противная сторона пытается отнять блюдо. Это состязание называется «тешпи былаажыр» — «отнять корыто» [9].

Свадебный кортеж три раза по солнцу объезжает аал жениха и спешивается возле юрты родителей жениха. Некоторые исследователи полагают, что эти круги должны запутать нечистую силу.

Невесту снимают с коня, пожилая женщина в роли «аскак-кадай» — хромой старухи (персонаж ролевой игры), опираясь на топор, прихрамывая, ведет ее в юрту родителей жениха. Аскак-кадай — представитель нечистого мира. Видимо, она вводится с целью оградить невесту от сглаза, порчи.

На пороге расстилается белый ковер — энчек. Невеста опускается на колени. Отец жениха снимает с ее головы свадебный убор, подает чашу с белым напитком. Она обеими руками берет пиалу, пригубляет и возвращает свекру. Тот благословляет ее следующими словами:

Эки хүнден эгелээн
Эптиг-таптыг чурттаар болзун!
Эгээртинмес эттиг болзун,
Эрээн-шокар малдыг болзун! —
(Пусть будет благословенным этот день!
Пусть будет много скота и добра!)

Затем так же благословляет мать жениха:

Аштаан кижн адап кээрге,
Ажы-чеми белен болзун!
Суксаан кижн сурап кээрге,
Сускун чеми белен болзун! —

(Если голодный придет,
пусть у нее еда будет готова,
если жаждущий придет,
пусть у нее питье будет готово!)

Благословляют все старшие родственники мужа. В благословение они вкладывают и пожелания, и ожидания, связанные с невесткой.

После этого аскак-кадай ведет невестку в ее новую юрту и сажает ее на кровать, которая занавешена тонким войлочным ковром — энчек. Аскак-кадай находится рядом с невесткой, ухаживает за ней, поит, кормит.

В некоторых семьях матери невесты и жениха проводят «учет» приданого невесты. Мать невесты передает другой женщине свою дочь.

У хакасов невесту забирали к себе еще ребенком и растили у себя в семье до совершеннолетия. Такую невесту называли «наа пала» — новый ребенок.

У тувинцев невестку старшие родственники мужа называют «келин» — пришлая, младшие — «чаавай» (новая мама). Она должна почитать старших родственников мужа как дочь, заботиться о младших как мать.

В юрте родителей жениха или возле нее начинается свадебный пир. В пиршестве принимают участие гости старше 40 лет. Хозяйева стараются уважить всех присутствующих. В соответствии с этикетом подаются блюда по рангу, статусу, возрасту. Аяк-хаа — кравчий воспевает достоинства гостей, выражает уважение к сватовьям:

Кудаларга сөңнээр дээним
Кула-Дойнуң хымызы-дыр.
Баарларга сөңнээр дээним,
Бора бемниң шимези-дир.

(Этот кумыс приготовлен специально для сватовей,
Прошу его отведасть.
Эта арака приготовлена специально для вас,
Прошу пригубить).

Оо, Хаяң, ээ, Хаяң,
Эйлиг-Хемден келген Хаяң,
Эйлиг-Хемден келген болгаш
Эрес-кежээ аңчы Хаяң!

(Оо, Хаяң, ээ, Хаяң,
Хаяң, прибывший из Эйлиг-Хема,
Всегда он ловок и удачлив,
Славный охотник из Эйлиг-Хема!)

Питейная культура тувинцев предполагает запрет употребления араки женщинам, мужчинам младше сорока лет, поэтому на свадебном пиру присутствуют только мужчины зрелого и пожилого возраста.

Молодежь затевает игры, состязания. Это «три потехи мужчин»: борьба «хүреш», скачки, стрельба из лука; поднятие камня, командная игра «отнимание көгээржика», состязания в красноречии, в исполнении песен. Жених в них участвует, а невеста все время находится в юрте.

На следующее утро родители невесты уезжают домой. Мать невесты одаривают коровой с теленком — «эмиг каргыжын эгидери» (это плата за материнское молоко). Перед отъездом родители заходят в юрту дочери испить чаю и попрощаться.

Молодая хозяйка должна подняться раньше всех, набрать свежей воды, сварить чай с молоком, ритуальной ложкой «тос-карак» — девятиглазкой разбрызгать чай в небо, по четырем сторонам света, вымаливая благополучия своей семье: «Тос дээрим, Долаан бурганым! Алдын Тандым, аал-ораным, арат-чонум, ада-ием, алган эжим, ажы-төлүм өршээ! Өршээ, Хайыракан! Өршээ! Өршээ!» — «Мои девять небес, божество Долаан! Спасите и помилуйте мои золотые горы, мой аал, мой народ, моих родителей, моего мужа, моих детей!»

После окончания чаепития, отец кладет на подол дочери каменный пест и говорит: «Даш кагган черинге чыдар, кыс барган черинге олуар» — «Куда камень положил, там и лежит, куда дочь отдал, там и живет».

Аскак-кадай ведет молодую женщину во все юрты аала с гостинцами, как бы, вводит в члены рода. От гостинцев хозяева отщипывают кусочки и кормят очаг. Теперь молодая женщина принадлежит роду мужа до конца дней.

Неравные браки — вынужденные браки. При социальном неравенстве они бытовали у всех народов. «Вдовец попрекал молодую жену: «Алдын-оолдуң авазы дег алдын баштыг оол төрүп берген сен бе? Алдын-оолдуң авазы дег алды өөр чылгы эккелген сен бе?» — «Разве ты родила золотоголового сына, подобно матери Алдын-оола? Разве ты привела (в качестве приданого) шесть табунов коней, подобно матери Алдын-оола?»

На берегу Енисея стоит крутой утес Чаргы даа — Гора тяжбы. Юную красавицу насильно выдавали замуж за вдовца. Она бросилась с крутого утеса, несмотря на крики родных о том, что вдовец отказался от нее и никто не принудит ее жить со стариком. Ветер относил их крики в другую сторону, поэтому девушка не слышала их. С тех пор утес называется Чаргы даа — Гора тяжбы.

Вопросы и задания.

1. Перечислите этапы свадебного обряда.
2. Назовите условия для заключения брака.
3. Выявите рациональное зерно свадебного обряда по этапам.
4. Что бы вы перенесли из прошлого в современную свадьбу?

ЛИТЕРАТУРА

1. Басаева К. Семья и брак у бурят. — У-У: Бурятское книжное издательство, 1991. — С. 192.
2. Бутанаев В. Бурханизм у народов Саяно-Алтая. — Абакан: ХГУ., 2003. — С. 260.

3. Кенин-Лопсан М. Тыва чоннуң бурунгу ужурлары. — Кызыл: Тываның ном үндүрер чери, 1994. — А. 192.

4. Кормушин И. Древние тюркские языки. — Абакан: ХГУ, 2004. — С. 336.

5. Курбатский Г. Тувинцы в своем фольклоре. — Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2001. — С. 463.

6. Традиционная культура тувинцев глазами иностранцев. — Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2003. — С. 223.

7. Потапов Л. Очерки народного быта тувинцев. — Москва: Наука, 1969. — С. 402.

8. Преловский А. Колчан сердечных стрел. — Красноярск: Русская энциклопедия, 1995. — С. 447.

9. Шатинова Н. Семья у алтайцев. — Горно-Алтайск: Алтайское книжное издательство, 1981. — С. 183.

Информатор:

Оюн Кон-оол Чайланович, 1902 года рождения, уроженец м. Суглуг-Хем.

Роль отца в традиционной тувинской семье на рубеже XIX–XX веков

В конце XIX начале XX веков тувинская семья входила в состав аала. Аал — не просто группа юрт, кочующих вместе, а довольно устойчивое объединение нескольких семей, связанных не только родством и свойством, но обязательно общностью земельных пастбищ-угодий, которыми они совместно пользовались, общностью некоторых хозяйственных интересов и видов совместной работы. Пахотная земля находилась во владении семей, но возделывали, орошали, сеяли, убирали урожай совместно, совместно же пасли скот, заготовливали сено, стригли овец и коз, катали войлок. Загоны для скота были общими, но каждая семья знала свой скот, каждая хозяйка доила своих коров, шерсть от овец, коз, верблюдов принадлежала хозяевам, на еду забивали собственный скот. Социально-экономический состав аала не был однородным. Часто внутри аала жили и кочевали семьи различного материального положения. Неимущим выде-

ляли скот на пользование, старым, немощным оказывали посильную помощь [4].

За скотом самого богатого из оюнов Ажыкая-нойона ухаживало 72 семьи, а на Тодже он содержал бригаду охотников из 24 человек. Тут налицо имущественное и социальное неравенство. Очевидцы вспоминали, что у нойона были русские батраки. Ажыкай был родом из простых аратов. Разбогател благодаря своей предприимчивости, деловой хватке, организаторским способностям. Он построил на земле чанчына в Улясутае два золотоголовых буддийских храма. За это ему был присвоен почетный титул нойона. Его наградили шапкой со знаком «бээзи», а его сына — шапкой со знаком «кара-хүн». Ажыкай-нойон не имел права творить суд, взимать налоги, но он по-отечески радел о своих сородичах [1, 19].

В состав аала входило четыре и более поколенных семьи: семья деда, семья отца, семьи сыновей и внуков, родственники по мужской линии. Главой рода считался старший по возрасту мужчина, пока возраст позволял ему руководить огромным хозяйством, регулировать взаимоотношения между членами рода. Под родом подразумевается союз семей, связанных кровным родством до седьмого колена.

За каждым родом закреплялись кочевья традиционно и юридически [4]. Чиновники строго следили за тем, чтобы род жил на своей территории. До сих пор люди старшего возраста помнят границы родовых территорий.

Аальная форма общественной организации была способом выживания в экстремальных природно-климатических условиях. За каждым членом рода стояла семья, за семьей — род, за родом, благодаря экзогамным бракам — союз родов, то есть племя. В кочевом обществе человек защищен на все случаи жизни. Аал — гибкая структура. В зависимости от обстоятельств, он дробился на группы семей или отдельные семьи.

Кочевая семья в составе аала представляла мелкое производственное предприятие, ориентированное на производство необходимого для жизни с коллективным характером труда и частным, посемейным характером потребления. Семья была и боевым подразделением, способным защитить свой аал, и приютом для сирот и престарелых, и больницей, и детским садом, и школой жизни для детей. Это самоорганизующаяся, саморазвивающаяся социально-экономическая ячейка общества, в которой по традиции сохраняются и передаются от поколения к поколению способы самовыживания, самосохранения.

Специфический характер носили и отношения власти и подчинения. Политическое поведение нойонов определялось очень устойчивыми укоренившимися нормами, которые предписывали проявлять заботу о материальном благосостоянии своих подданных, иначе кочевник в любое время мог откочевать [8].

В менталитете кочевой семьи преобладающей чертой был коллективизм. Общество должно руководствоваться рациональными принципами: каждый должен знать свое место, выполнять свою социальную роль. Воспитание детей в традиционной тувинской семье — это и есть подготовка к выполнению социальных ролей в обществе.

В кочевом быту родители и дети очень близки друг к другу, главный воспитательный метод — личный пример родителей, характер их взаимоотношений, нравственная сила примера, власть авторитета родителей и старших в роду, особое уважительное отношение к мужчине.

Главенствующая роль мужчины в тувинской семье причинно-обусловлена.

Во-первых, в традиционной тувинской семье ответственность за семью, ее настоящее и будущее нес мужчина. Он был главой семьи. Его биологическая роль в воспроизводстве общества дополнялась социальной родительской ролью. Род продолжался по линии отца, дети принадлежали роду отца. Женитьба младшего брата по-

койного на его вдове называлась левиратом. Существование левирата свидетельствовало о главенствующей роли мужчины в родовой общине. Это, прежде всего, озабоченность судьбой детей-сирот, способ закрепления детей за родом отца [5].

Во-вторых, мужчина был защитником своего аала. Сюжеты героических сказаний строятся на том, что герой освобождает из рабства угнанный на чужбину свой народ, побеждает врагов в облике людей и чудовищ. Кроме внушительной внешности, незаурядного ума, он благороден, помогает слабым и униженным, сам никогда не нападает и не присваивает чужое добро [2].

В самом раннем письменном источнике — замечательном памятнике древнетюркской письменности, посвященном знаменитому полководцу Культегину особо подчеркивается, что все женщины: пожилые матери, невестки, дочери были бы угнаны в рабство или были бы убиты, если бы их не защитил Культегин — идеал воина в древнетюркском каганате, живший в VIII веке. Он удостоен двух памятников с описанием его подвигов. Это был великий военачальник, личным мужеством вдохновлявший воинов отвагой и бывший примером служения своему народу. Он был опорой своему брату кагану в укреплении государства [6].

Умение защитить себя и свой аал тувинцы не раз доказывали во времена маньчжурской экспансии, в Кобдинском сражении, в боях с белобандитами, на полях сражений в Великую Отечественную войну.

В-третьих, мужчина был главным работником, кормильцем своей семьи. Основным занятием тувинцев было кочевое скотоводство. Это было рискованное занятие, в связи с экстремальными природно-климатическими условиями. Лето в Туве обычно засушливое, трава выгорала, зимой выпадало мало снега, поэтому почва не получала достаточной влаги, травяной покров был хрупким. Это не позволяло подготовить сена в достаточном количестве. Скот приходилось пасти круглый год. Это

был удел мужчин. Для сохранения травяного покрова приходилось четыре раза в год кочевать. Это трудоемкая работа, непосильная женщинам и детям.

Существенным подспорьем в хозяйстве был охотничий промысел. Для уплаты налогов приходилось добывать пушнину. Для заготовки соли, без которой не обходились, надо было отправляться в Овюрский кожуун. Иногда приходилось сопровождать караваны в Китай и за Саяны.

В юрте людям среднего достатка и бедным семьям приходилось испытывать холод большую часть года. Необходимо было питаться мясом в зимнее время. Перед сном варили мясо, ели на ночь, чтобы сохранить энергию, не заболеть, не замерзнуть. Если случался падеж скота, весь род был обречен на вымирание. В такие годы выручали кайгалы, которые пригоняли коней на мясо из дальних кожуунов или из Монголии. У кайгалов был свой кодекс чести:

- угонять скот только у зажиточных, для которых утрата небольшого количества коней не влияла на качество жизни;

- не угонять чужой скот ради личной наживы;

- не присваивать угнанный скот, раздать его нуждающимся сородичам;

- не оставлять угнанный скот на расплод, а забивать его на мясо для прокорма семьи зимой.

При этом мужчины рисковали жизнью и добрым именем.

Мясную пищу готовили мужчины, они и были лучшими поварами. Толстую шкуру выделывали и плели арканы тоже мужчины. Столярные работы, кузнечное дело выполнялось исключительно мужчинами. Таким образом, самая трудоемкая работа выпадала на долю мужчин.

В-четвертых, мужчина был главным воспитателем своих детей.

С раннего детства тувинские дети, наряду с колы-

белой матери, слышат колыбельную отца. Некоторые колыбельные песни исполняются в стиле горлового пения — хоомей. По традиции сказки детям рассказывают дедушки или отцы. В речитативное исполнение сказки входят элементы хоомей, а женщинам категорически запрещалось исполнение горлового пения. Это подавляло достоинство мужчины. По мнению профессора Н. Абаева, тувинское горловое пение — вид медитации. Это психологическая релаксация, которая способствует психическому здоровью и исполнителя, и слушателей. По Конфуцию, торжественная музыка придает духовному миру правителя необходимую устойчивость, невозмутимость в любых ситуациях. Спокоен правитель — процветает государство. Спокоен отец — спокойна вся семья.

Делая внушения детям, мать всегда ссылается на авторитет отца. Поэтому отец воспитывает даже своим отсутствием, силой своего примера.

В-пятых, мужчина — опора для своих престарелых родителей и племянников, оставшихся сиротами.

Благодаря экзогамным бракам, родители в старости находились на попечении старшего сына, так как дочери выходили замуж и уходили в чужой род. Старший сын, когда престарелый отец уже отходил от дел по управлению родом, физически уже не мог выполнять тяжелую работу, становился главой рода. Его долг — обеспечить спокойную старость родителям.

У тувинцев существовал аванкулат — почтительное отношение к дяде по матери. Независимо от того младший или старший по отношению к матери, его племянники называли «даай». В случае смерти родителей, самым близким родственником почитался даай — дядя по материнской линии. Долг дяди — поставить на ноги сирот.

Для традиционной тувинской семьи, как и для многих тюркоязычных народов, характерно то, что старший внук воспитывался бабушками и дедушками. Традиции семьи легче передаются внукам от бабушек и дедушек,

нежели от своих родителей. Их связывает более тесная духовная связь с бабушками и дедушками, нежели с родителями. Это объясняется тем, что молодые родители еще не обладают достаточным опытом воспитания детей. Последующих детей им уже растить легче, опираясь на опыт старшего поколения. Старшему внуку после отца придется брать на себя ответственность за младших членов семьи и состарившихся родителей. Может в этом и кроется устойчивость традиций традиционной тувинской семьи, их трансформация в современную семью, изменяясь, адаптируясь к новым условиям, но неизменно сохраняя ценностное ядро. В этом диалектическая взаимосвязь прошлого, настоящего и будущего.

Нация жива, пока жива ее культура. Одним из грозных признаков умирания нации может быть утрата мужчиной своей социальной роли, снижение его ответственности за судьбу семьи. Отсюда вытекает проблема изучения и устранения причин падения статуса мужчины в современной тувинской семье.

Работа в группах.

Ниже приводим текст кодекса мужчин Тувы. Какой из пунктов вы считаете самым важным? Обоснуйте свой выбор.

КОДЕКС ЧЕСТИ МУЖЧИН ТУВЫ

1. Помни всегда и везде: ты — потомок древнего и благородного народа, а потому не имеешь права на недостойный поступок. Знай и помни свою родословную от основателей рода.

2. Изучай язык, обычаи, культуру и историю своего народа и края: эти знания укрепят твой дух, возвеличат душу, придадут силы в трудные минуты.

3. Постоянно работай над своим умственным и физическим развитием. Закаляй и укрепляй здоровье, не поддавайся пагубным пристрастиям и будь достойным своих великих предков.

4. Трудись сам, уважай труд и не посягай на чужое добро.

5. Никогда не завидуй другим. Если ты истинный патриот, докажи это делом и благородным поступком. Будь способным оценить достижения других.

6. Никогда не оскорбляй ничьих национальных и религиозных чувств, при этом уважай веру своих предков.

7. Будь гордым и честным, сильным и благородным, готовым прийти на помощь. Береги и защищай младших, уважай и почитай старших, более всего родителей, даровавших тебе жизнь.

8. Дорожи именем и честью своей семьи и своего рода, ибо по твоим поступкам и делам будут судить не только о тебе, но и о твоём народе.

9. Как высшую заповедь предков усвой истину: величие настоящего мужчины никогда не измерялось богатством, а лишь ответственностью и долгом перед семьёй, народом и Отечеством.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аранчын Ю. Исторический путь тувинского народа к социализму. — Новосибирск: Наука, 1982. — С. 337.

2. Байсклан С. Поэтика тувинского героического эпоса. — Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1987. — С. 70.

3. Бутанаев В. Социально-экономическая история хакасского аала. (конец XIX начало XX века). — Абакан: ХГУ, 1987.

4. Дулов В. Социально-экономическая история Тувы конца XIX начала XX века. — М., 1956.

5. Потапов Л. Очерки народного быта тувинцев. — Москва: Наука, 1969. — С. 402.

6. Преловский А. Поэзия древних тюрков. — Москва: Паритет, 1993. — С. 176.

7. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. — Новосибирск: Наука, 1989. — С. 216.

8. Фельдман В.Р. Общество: сущность генетическая структура, функции, социально-философские и социологические теории. — Кызыл: ТГУ, 2002. — С. 115.

Роль матери в традиционной тувинской семье на рубеже XIX—XX веков

На рубеже XIX—XX веков тувинский аал, основой которого была традиционная семья, представлял из себя натуральное скотоводческое хозяйство или «малое предприятие» с коллективным способом производства и семейной формой потребления. Посредством обмена, купли-продажи приобреталось то, чего не могли произвести сами.

1. Немаловажную роль в организации функционирования «малого предприятия» играла женщина как организатор и непосредственная участница производства продукции, необходимой для жизни семьи. Круг ее обязанностей был ограничен: «Херэжок кижиниң бодалы ожуун долгандыр, эр кижиниң бодалы делегейни дескинди» (Мысли женщины вокруг очага, мысли мужчины вокруг света). Женщина распоряжалась в юрте и в подворье, распределяла обязанности между детьми и младшими родственниками. В ее обязанности входило приготовление еды, заготовка запасов продовольствия, лекарственного сырья растительного происхождения, пошив одежды и обуви, одеял, изготовление войлока, обновление матрацов, напольных ковров, убранства юрты, уход за скотом и многое другое.

До семнадцати лет, в аале родителей, ее должны были обучить всему, что должны делать женщины по хозяйству. Считалось хорошим тоном помочь соседям, если они были заняты катанием войлока, пошивом одежды. На поясе девушка постоянно носила сумочку «кымзар», где хранились принадлежности для шитья: наперсток, иглки.

2. Целью и смыслом семейной жизни было воспроизводство общества, рождение, сохранение жизни и воспитание детей. Семья выполняла функции детского сада, школы. Мать для ребенка была и няней, и воспитателем, и первым учителем. О ее значении для детей го-

ворили: «Ада чокта — чартык өскүс, ие чокта — бүдүн өскүс» («Без отца — полусирота, без матери — круглая сирота»)

В материнской школе проходила социализация ребенка. С колыбельной матери ребенок впитывал в себя звуки родной речи, родную мелодию. До 12 лет ребенок должен был научиться чутьем угадывать нужную форму поведения. По-тувински воспитание звучит «кижизидилге» — «очеловечивание». Двенадцатилетний ребенок у тувинцев считался тринадцатилетним. Годом жизни считалось время пребывания в утробе матери. Ребенок, проживший первый жизненный круг по двенадцатилетнему животному циклу летоисчисления, должен был усвоить обычаи и традиции общества. Знания, умения, навыки, необходимые для адаптации к изменяющимся жизненным условиям, дети получали от матери. Она являлась связующим звеном между поколениями [3, 53-65].

3. В традиционном обществе уважение к старшим было возведено в ранг закона, так как самым ценным в старшем поколении был их жизненный опыт — опыт выживания, знание обычаев, традиций, которые регулировали жизнь. Традиционная семья была интернатом для пожилых членов аала. Пожелание долголетия ребенку звучало так: «Узун назын назылазын, уургайга дүжүп өлзүн!» («Пусть жизнь его будет долгой, пусть утонет в яме для засыпки зерна!») Старики не были в тягость. Старшие внуки обычно воспитывались у дедушек и бабушек. Им передавались традиции семьи. Они были источником бесценного жизненного опыта. Считалось, что ребенок, не почитающий мать, не будет счастлив. Это и наставление, и установка, и предостережение. Призреть одиноких стариков и детей-сирот — долг общества. Тувинская пословица гласит: «Ие кижизиг баарлыг» (Материнская душа полна сострадания). Обогреть душевным теплом нуждающихся в заботе и ласке, предоставить кров, разделить с ними пищу, создать бла-

гоприятный психологический микроклимат может только женщина, способная прочувствовать чужую боль. Научиться способности быть эмпатичными дети могут только у матери. В традиционной тувинской семье мать и «сестра милосердия», и знахарка-целительница, и повитуха «хин-ава» (мать, разрезавшая пуповину). При замужестве девичьи украшения заменялись женскими. Массивные серебряные перстни и длинные серьги до плеч имели обереговое значение. Серебро имеет дезинфицирующее свойство. Руки в перстнях обладали целебным эффектом. Было поверье, что женские серебряные серьги, издающие мелодичный звон, отпугивали нечистую. В случае клинической смерти, душа мужа или детей могли ухватиться за серьги и вернуться в тело. Женщина – хранительница жизненной силы мужа и детей.

У тувинцев существовал запрет брака внутри рода до седьмого колена. Этот запрет назывался экзогамией. Невесту брали из чужого рода [3]. Для старших родственников мужа она была «келин» (пришлая), для младших родственников мужа «чаавай» (новая мама) или «чеңге» (у казахов «женге»). Хакасы невестку забирали у родителей в юном возрасте и называли ее «наа пала» (новый ребенок). Женщина должна была почитать старших родственников мужа как дочь, заботиться о младших как мать.

В вопросах обмена, дарения, продажи скота в отсутствие мужа женщина была абсолютно свободна. В присутствии мужа она должна советоваться с ним.

Обычно в тувинской семье много детей. Старшие дети рано начинают ухаживать за младшими. У старших развивается чувство ответственности, младшие бывают сильно привязаны к старшим. В случае смерти родителей старшие дети заменяют их младшим. Пословица «Алышкылар найыралы чалым хаядан быжыг» («Братская дружба крепче каменной скалы») отражает традиции взаимовыручки, взаимопомощи в семье. Об

этом же свидетельствует притча: «Муж, сын, брат одной женщины попали в плен к войскам Чингис-Хана. Женщина пробралась к хану, упала перед ним на колени и попросила отпустить дорогих ей пленников. Хан сказал, что отпустит только одного из мужчин. Она должна сделать выбор. Женщина рассудила так: «Мужа я себе найду, сына себе рожу, а брата у меня уже не будет». Хан похвалил ее за правильный выбор и в награду отпустил всех троих».

Браки были экзогамные, поэтому не случайно в героических сказаниях иногда мать становилась врагом мужу и сыну. Чингис-Хан считал, что женщина, прежде всего, должна служить своему роду: «У каждой хатун три мужа: родина, доброе имя, мужчина».

При заключении брака разрешения властей не требовалось, но когда случались разводы, надо было обращаться к нойонам. Если в разводе виновным признавался мужчина, его могли подвергнуть телесному наказанию, после чего человек мог остаться инвалидом. Поэтому мужчины предпочитали остаться со своей семьей. Если же развод все же случался, женщина имела право возвратиться в свой род. При этом она забирала детей и все имущество, и скот, включая и то, что нажито совместно. Она могла претендовать на выделение ей и ее детям кочевий в пределах территории рода мужа. Это было невыгодно роду мужа ни демографически, ни экономически. Общество было заинтересовано в укреплении семьи. В традиционном обществе статус женщины-матери был довольно высок. В свою очередь род женщины при замужестве старался полнее обеспечить ее всем необходимым для независимого существования: юртой с убранством, одеждой и обувью по сезонам, украшениями, оберегами, скотом пяти видов. Все это составляло ее «өнчү» (приданое), от размеров и качества которого зависел ее статус в новой семье.

4. Была выработана целая система социальных запретов относительно женщины:

— она не должна участвовать в государственных делах — «төре херээнге киришпес»;

— не должна лишать жизни живое существо — «амылыг чүве тыны үспес» (исключение составляли тоджинские женщины);

— не должна произносить имя мужа и его старших родственников;

— не должна поднимать руку на мужчину, чтобы не ущемлять его достоинство;

— не должна употреблять спиртное никогда в жизни;

— не должна участвовать в обрядах «саң салыр», «оваа дагыыр», «буга бажы дагыыр», похоронном обряде;

— не должна исполнять горловое пение, чтобы не оказать негативного влияния на жизненный тонус мужчины;

— не должна подрывать авторитет отца в глазах детей;

— не должна перешагивать через вещи мужчины, через огонь;

— замужняя женщина, просватанная девушка, несовершеннолетняя девочка не должны участвовать в молодежных развлечениях «ойтулааш».

В отношении женщины не применялись пытки, нельзя было отлучать детей от матери, отнимать у женщины ее өнчү [3, 54].

Идеальной считалась та женщина, которая одновременно ногой качает в люльке ребенка, поет колыбельную, руками мнет кожу или шьет, следит за готовящейся едой на очаге, прислушивается к звукам снаружи, отмечает время по солнцу, сквозь дымовое отверстие следит за погодой [3, 55].

Алтайцы утренние часы называли «время пробуждения женщин», «время доения коров», «время пробуждения мужчин», «время пробуждения детей». В традиционной тувинской семье первой поднималась женщина. Она набирала свежей воды, варила чай, кормила огонь, ритуальной ложкой тос-карак — девятиглазкой окроп-

ляла свежим чаем небо, и стороны света, вымаливая у духов Неба и Земли благополучия своей семье [3, 66].

Вот что писал о роли женщины в традиционном обществе известный ученый Маннай-оол М.Х.: «...в семейно-бытовой сфере авторитет тувинской женщины был велик. Согласно общепринятым правилам, морально-этическим нормам поведения тувинцев, к женщине относились с уважением и заботой. Это проявлялось в разных сферах семейной жизни. Долгом мужчины было помогать женщине в беде, оберегать ее, выполнять ее просьбы.

На женщину никто не имел права поднять руку, оскорблять и обижать ее. Тот, кто обижал женщину, покрывал себя позором и заслуживал презрения. Если кто-либо из мужчин поступил грубо по отношению к женщине, то говорили: «Женщина неприкосновенна. Для него нет ничего святого, он даже женщину бьет». Побои по отношению к жене почти всегда вели к разводу [4,57].

Традицию нельзя сохранить в неизменном виде, но знать, чтобы сохранить ценностное ядро и полезно, и необходимо. Семья — аккумулятор исторической памяти поколений, хранительница рационального начала в традициях. Современная семья сохранила многие черты традиционной семьи.

Для выявления социального статуса родителей в семье было проведено анкетирование 1318 учащихся школ. У 57,3 % учащихся учебу контролируют матери, у 8,1% — отцы. 31,6 % опрошенных обсуждают учебные дела, взаимоотношения с товарищами, моду, телепередачи, планы на будущее с матерью, 11,9% — с отцом. Для 46,5% респондентов авторитетом в семье является мать, для 19% — отец. 30,6% детей откровенны с матерью, 10,2% — с отцом. Для 35,8% школьников образцом для подражания является мать, для 25,3% — отец.

Как видим, статус матери в современной семье довольно высок, а статус отца понизился. Это тревожный фактор. Если мужчина теряет ответственность за судьбу семьи, будущее такой семьи весьма проблематично.

Соблюдаются ли народные традиции в современной семье? Проявляют ли современные женщины-тувинки интерес к духовному наследию своего народа? Как относятся к религиозным ценностям своего народа? Из 194 респондентов — женщин 48% систематически соблюдают традиции своего народа, 50% — эпизодически. 82,4% опрошенных проявляют интерес к духовному наследию своего народа, 17,5% — эпизодически. Положительное отношение к религиозным ценностям выразили 81,4% женщин, нейтральное — 14,4%, отрицательное — 1,3%.

Значит, традиции тувинской семьи продолжают выполнять регулирующую, оценивающую, воспитывающую роль.

Таким образом, для подготовки учащихся к будущему ответственному супружеству, было бы правильным интегрировать в учебный процесс то ценное, что было в традиционной тувинской семье.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ МАТЕРИАЛ.

Ибрагим ЮСУПОВ

Предание

Враги внезапно окружили город,
Беда сгустилась непроглядней тьмы.
Был вражеский военачальник молод
И храбр — добавим ради правды мы.
Он прокричал с отвагой петушиной,
На крепостной сумев забраться вал:
«Пусть в городе останутся мужчины —
Я до сих пор лишь с ними воевал.
А женщины должны уйти,
Покуда
На небе не растаял мрак ночной.
И могут унести они отсюда
Все, что под силу унести с собой!»
Возликовали женщины:
«Ну что же, хорошего врага послал аллах:
Мы на руки возьмем детей, а ношу,

Где жалкий скарб,
Мы унесем в зубах.
Мужья нужны живыми нам,
Скорее —
Пока рассвет не тронул край земли...»
И посадив мужей себе на шеи,
Взяв вещи и детей, они ушли...
...Любимая!
Как я благоговею
Перед умом, пред силою твоей!
...Но не спешат на землю с женской шеи
Слезть до сих пор иные из мужей...

Задания для закрепления.

1. Организуйте чтение рассказа Ш. Сувана «Случайная ласка».
2. Какова роль матери в данном рассказе?
3. Попытайтесь понять и объяснить поведение девочек.
4. Какие ошибки допустили девочки при общении с мало-знакомым юношей?
5. Определите круг проблем, затронутых в рассказе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азаров Ю. Семейная педагогика. — Москва, 1982.
2. Бадра И. Арзылаң Күдерек. — Кызыл: Тываның ном үндүрер чери, 1996. — А. 275.
3. Кенин-Лопсан М. Тыва чоннуң бурунгу ужурлары. — Кызыл: Тываның ном үндүрер чери, 1994. — А. 192.
4. Маннай-оол М. Обычай тувинского народа. Ученые записки. Выпуск XIX. — Кызыл: ТИГИ, 2002. — С. 326.
5. Потапов Л. Очерки народного быта тувинцев. — Москва: Наука, 1969. — С. 402.

Дети в традиционной тувинской семье на рубеже XIX–XX веков

О детях в традиционной русской семье В. Белов писал: «Дети в крестьянской семье считались предметом общего поклонения. Нелюбимое дитя было редкостью в русском крестьянском быту. Люди, не испытывавшие в

детстве родительской и семейной любви, с возрастом становились несчастливymi. Обидеть сироту означало совершить один из самых тяжких грехов». Все сказанное выше можно отнести и к тувинской семье.

Целью и смыслом семейной жизни в традиционном социуме было воспроизводство общества. Рождение, вскармливание, сохранение жизни детей было основной заботой родителей. Тувинцы внутриутробный период считали годом жизни. Бережно и тактично относились к беременной женщине: «Сагыш-биле чорба, сааттыгны коргутпа» («Нельзя поступать, как вздумается, нельзя волновать беременную женщину»). Народ знал о необходимости сохранения физического и психического здоровья ребенка и матери.

Когда женщина благополучно разрешалась от бремени, говорили: «Караа чыраан» («Глаза просветлели», в смысле закончились мучения). На той ступени социально-экономического развития, на которой находились тувинцы на рубеже веков, высокой была материнская и детская смертность.

Беременной женщине предписывалось много двигаться, выполнять посильную работу, чтобы плод не набирал в весе, чтобы роды были легкими. Если роды были тяжелыми или женщина долго не могла родить, внутри юрты натягивали кушак ее отца, который считался оберегом для роженицы. Рожали стоя, поэтому роженица, обессилев, висела на кушаке, если не могла стоять на ногах. Считали, что у роженицы отделяются все сто суставов: «Чүс чүзү адырлыр». Роды принимала женщина-тудугжу (повитуха) или мужчина. Женщина, принимавшая роды и разрезавшая пуповину, называлась «хин-ава» — (мать, разрезавшая пуповину). Ее и ребенка, которому она помогла родиться, на всю жизнь связывает духовная близость. Она становится уважаемым человеком и для родителей ребенка.

Новорожденного обмывали чаем, заворачивали в нежные меха — пеленки. Послед заворачивали в тряп-

ку, войлок или шкуру и закапывали под кроватью, в то место, куда не ступала нога человека.

Для роженицы резали барана и кормили ее калорийным бульоном «кара-мүн» (черный суп). Женщина, поев горячего супа, должна хорошо пропотеть. Вместе с потом организм очистится от ненужных шлаков и роженица быстрее окрепнет. Чтобы прибывало молоко, ее поили чаем с молоком.

Роженицу навещали самые близкие родственники. С пустыми руками к ней не являлись. Обязательно приносили что-нибудь вкусное. Считали, что у женщины может начаться мастит, если ее не угостить.

Как только мать окрепнет, проводили той (в тувинской транскрипции дой) — пир по случаю рождения ребенка. Это был праздник для всего рода, по этому поводу говорили: «Тыва кижы үш дойлуг: төрүттүнгенде, өгленгенде, элгенде» (У тувинца три тоя: когда родится, когда женится, когда умрет). Верили, что если не справить той, ребенок может обидеться и заболеть. На той приносили подарки для ребенка: меха для пеленок, ткани, игрушки, дарили молодняк скота [2,123].

Чаще всего именем нарекала сама «хин-ава» или уважаемый человек. Давший ребенку имя, одаривал его скотом. Богатые люди давали детям благозвучные имена. Бедные нарекали простыми именами, чтобы не привлекать к детям нечистую силу. Если в семье не задерживались дети, давали им охранные имена. В младенчестве дети носили ласковое имя, когда они подрастали, в соответствии с характером или наклонностями, давали прозвище.

Для первого ребенка заказывали колыбель. В нее сначала клали щенка, с целью ввести в заблуждение нечистую силу, которая может навредить ребенку. Человек преклонного возраста дарил ребенку свой возраст, касаясь головой колыбели.

С первых дней жизни ребенок слышал колыбельную матери и отца, звуки родной речи, родную мелодию.

Слышал уговоры-прибаутки бабушки, ласковые речи старших братьев, сестер, сказки дедушки или отца.

До трех лет ребенка запрещалось отлучать от матери, подвергать холоду, голоду [2,7]. Ребенку давали грудь до трех лет. Категорически запрещалось пугать ребенка. Страх — самая сильная эмоция, которая может оказать негативное влияние на психику ребенка. До трех лет на ребенка воздействовали исключительно методом уговоров-прибауток. Если ребенок капризничал, если боялся ходить, если не хотел кушать, одеваться, обуваться, применяли отвлекающий маневр: это ритмически организованные строки уговоры-прибаутки, которые есть у каждого народа. Их назначение: не дать плохим привычкам закрепиться в поведении ребенка.

Тувинцы считали, что память ребенка просыпается в три года. До трех лет он помнит свою прошлую жизнь, с трех лет осознает себя в этом мире. В три года проводится праздник стрижки волос. Волосам придавалось сакральное значение. Ни мальчикам, ни девочкам до трех лет волосы не обстригали. На праздник стрижки волос приглашали близких родственников, уважаемых людей, значимых для ребенка, таких как бабушки, дедушки, «хин-ава», «даай» — дядя по материнской линии, «күүй» — жена его. Обычно, старше сорока лет. Детей одаривали сладостями, для взрослых резали барана, перегоняли молочную водку [2,125].

Ножницы обмывали и окуривали можжевельником — «артыш», которому приписывали очищающие свойства. К ножницам привязывали белую ленточку-чалама. Право обрезать первую прядь волос предоставлялось самому уважаемому человеку. Перед обрезанием волос он говорил: «Кезер дээш кеспедим, Кезер-Чингис айыткады». (Не по своей воле обрезаю — таково повеление Гесера-Чингиса).

Затем водил над головой ребенка ножницами три круга по солнцу, обрезал несколько волосиков, клал на тарелочку и произносил благопожелание: «Пусть конь

твой будет быстр, мысль ясна! Дарю тебе жеребенка, вырасти из него себе хорошего коня!»

Затем ножницы передавались следующему по возрасту, статусу. Тот тоже обрезал несколько волосков и говорил благопожелание: «Пусть будет долгой жизнь твоя, пусть будет ум твой весел, чист! Не дай щекастому тебя злословить, не дай плечистому тебя подмять! Дарю тебе годовалую телку! Ухаживай за ней, вырасти себе хорошую корову!» Когда все гости примут участие в обрезании волос, отец обстригает ребенку голову наголо. Мать прибирает волосы, заворачивает в тряпочку и убирает в сундук, где хранятся дорогие вещи. После этого начинался пир.

Полагалось, что в 3 года у человека просыпается чувство хозяина. Он становится собственником скота, узнает его, пытается ухаживать. Если приходится на еду забивать его скот, то спрашивают разрешения у ребенка. Когда сварится мясо, маленькому хозяину оказывают почести: угощают лакомыми кусками, благодарят.

После трех лет у ребенка появляются младший брат или сестра, он переходит на попечение старших братьев и сестер.

Многодетная тувинская семья — это своеобразное разновозрастное сообщество, где старшие ответственны за младших, учатся быть самостоятельными, быстрее взрослеют. Младшие учатся у старших и развиваются ускоренно.

После трех лет уговоры уже не действуют, вступают в свои права методы социальных запретов. Запреты состоят из двух частей: формулировка запрета и санкция, т.е. объяснения следствия, в случае его нарушения: «Нельзя рвать цветы — погода испортится». На самом деле рвать цветы нельзя, потому что в цветок может переродиться чья-то душа в соответствии с учением о трансмиграции, перерождении душ. Но ребенок не поймет столь сложные вещи и может испугаться, представив, что его окружают души умерших. Или другой запрет: «Нельзя

свистеть — ветер поднимется». Древние люди полагали, что на свист слетается нечисть. Но если об этом сказать детям, они могут сильно испугаться. Поэтому запреты формулировались в щадящем психику режиме.

К детям не применялись телесные наказания, их не били, не оскорбляли человеческого достоинства, не наказывали голодом, трудом, не изолировали, не ставили в угол. Поведение каждого ребенка было контролируемым, при отклонениях незамедлительно вносилась коррекция. Матери достаточно было пригрозить, что о проступке расскажет отцу или дать аванс доверия, пообещав отцу ничего не говорить. Внушения не всегда эффективны. Главный метод — сила личного примера и создание ситуации успеха. Плохому человеку нечего терять, поэтому необходимо внушить ребенку, что он хороший, только он немного ошибся. Ошибки можно и нужно исправлять. Безвыходных ситуаций не бывает.

Огромный воспитательный потенциал носят игры тувинских детей. Это универсальное средство социализации. Дети тувинского аала с раннего возраста приобщались к труду. Девочка пяти лет умела доить коз. Мальчик пяти лет пас ягнят и козлят. Мальчик четырнадцати лет мог зарезать барана, снять шкуру и разделать по суставам. Девочка десяти лет умела очистить потроха и приготовить блюда из внутренностей барана [2,7]. Находили время и для игр. Были постоянные места, где дети играли. Взрослые бережно относились к детским играм.

До двенадцати лет ребенок должен усвоить правила жизни в обществе и чутьем угадывать нужную форму поведения без подсказки взрослых. Он должен усвоить нравственные ценности общества, уметь отличать плохое от хорошего. Это очень важно — научить принимать решения, ибо «Хай билбес төл хайга чедирер» — (Ребенок, которому дозволено все, может довести до большой беды). В подростковом возрасте авторитет родителей отходит на второй план, большое значение приобретает

статус среди сверстников. Влияние подростков друг на друга может быть отрицательным: «Бак кижы балалыг», поэтому важно чтобы к двенадцати годам ребенок имел твердую позицию, мог противостоять негативному влиянию.

Задания для закрепления.

Напишите сочинения на одну из тем: “Я и мои родители”, “Моя мама”, “Мой папа”, “Моя бабушка”, “Мой дедушка”, “Моя роль в психологическом микроклимате семьи”, “Современные проблемы отцов и детей”.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бадра И. Арзылаң Күдерек. — К., 1996, — А. 275.
2. Кенин-Лопсан М. Тыва улустун бурунгу ужурлары. — Кызыл: Тываның ном үндүрер чери, 1994. — А. 192.
3. Монгуш Х. Тыва кижиниң үш доюн эрттирериниң чуруму. — Кызыл: Тываполиграф, 2010. — А. 83.

Игры тувинских детей

«Игра в жизни детей играет настолько колоссальную роль, что невозможно переоценить ее значение... В них нетрудно проследить и действия демократических, гуманистических особенностей народного воспитания, народной педагогики: естественность, непрерывность, массовость, комплексность, завершенность» — отмечал Г.Н. Волков.

В традиционном тувинском обществе, как и в любом другом, было очень много детских игр. Есть игры, способствующие развитию речи, воображения, памяти, интеллекта, физических данных: силы, выносливости. Так, игра «Тевек» (Почекушки), развивает ловкость, выносливость, гибкость, тренирует ноги, способствует выработке правильного дыхания.

Игра «Арбай-Хоор» способствует запоминанию анатомии человека и животных. Игра «Матпаадыр» приучает к труду, развивает творческое воображение, воспитывает коллективистские качества.

Ролевая игра «Сайзанак», аналог русской игры «Дочки-матери», учит жить в обществе, строить гармоничные взаимоотношения с собой, с другими людьми, с окружающим миром.

В жизни человек выполняет различные социальные роли: отца, сына, матери, дочери, брата, сестры, руководителя, подчиненного.

Ролевая игра «Сайзанак» в традиционном обществе, когда не было ни детских садов, ни школ, где дети включаются в игровые ситуации взрослыми, являлась тренировкой, репетицией разных социальных ролей, закреплением ролевого поведения в обществе.

В традиционной тувинской семье дети рано приобщались к труду. Овец и коз доили, поэтому ягнят и козлят пасли отдельно от взрослого скота. Молодняк пасли дети аала, которые представляли собой разновозрастное сообщество, в котором действуют свои законы самоорганизации. Младшие дети с трех лет попадают на попечение старших детей. У старших развивается чувство ответственности, они становятся самостоятельнее. Младшие дети чувствуют себя более защищенными рядом со старшими. Это способствует развитию психических процессов, физических данных.

В полдень, когда молодняк скота отдыхает, дети играют в «Сайзанак». Для игры имелось постоянное место в горах, среди камней. Игрушками служили камешки различной величины и формы. Из них сооружается аал: юрты с убранством, загоны со скотом. Старшие дети распределяли роли и разыгрывались целые импровизированные спектакли на сюжеты из жизни аала.

К примеру, разыгрывается приезд гостя в аал. Событие значительное, так как в кочевом обществе гость был, как бы, окном в мир. Через него узнавали новости, передавали друг другу вести. Обычай гостеприимства предписывал радушно принимать путника, дать отдых ему и коню, даже если это был незнакомый человек.

Считалось неприличным допытываться о цели визита. Человек расскажет сам, если сочтет нужным. В соответствии с нормами речевого этикета всегда есть о чем поговорить.

Дети распределяли роли хозяев, их детей и гостей. Обычно гости приезжали на лошадях. Ими служили простые палки. Хозяева встречают гостей, привязывают коней к коновязи и ведут гостей в юрту. Хозяйка хлопчет у очага, хозяин приглашает гостей занять места в соответствии с полом, возрастом, статусом в обществе. Сначала обмениваются трубками, затем пьют чай. Гости преподносят подарки хозяевам. Из съестного, привезенного гостями, обязательно отрезают куски и кормят огонь, потом уже угощаются сами. Для почетных гостей режут барана, перегоняют араку. Все эти моменты дети разыгрывают, проявляя находчивость, изобретательность, артистичность. Эта игра способствует осмыслению, усвоению и закреплению половозрастных ролевых функций, воспитанию чувства ответственности у участников игры, закреплению традиционного поведения, развитию творческого воображения, логического мышления, речи.

В «Сайзанак» играли и на берегу реки. Из глины лепили юрту, необходимое убранство, загоны для скота, фигурки животных. Это способствовало развитию мелкой моторики, творчества, эстетического вкуса, чувства пространства.

Места для игр не разрушали, к ним относились бережно, с любовью.

В игре «Аскак-кадай» хромая старуха, аналог бабы-яги, встречалась многодетной матери с детьми. Завязывался разговор в соответствии с нормами речевого этикета. Садились, обменивались трубками, задавали друг другу вопросы. Старуха просит отдать ей одну из дочерей. Мать отказывает под предлогом того, что эта дочь мастерица доить коров и без нее матери никак не обойтись. Следующая — незаменимая портниха и так далее

характеризуются все дети, как самые трудолюбивые, любимые, ценимые матерью. Получив отказ, старуха грозит силой отнять детей. Все соскакивают, дети цепочкой выстраиваются за спиной у матери, держась друг за друга и внимательно следят за действиями старухи, чтобы увернуться от ее рук. Старуха пытается засалить кого-нибудь. Игра продолжается до тех пор, пока старуха не переловит всех детей.

Есть вариант игры, в котором старуха предлагает ребенку свою трубку. Ребенок отказывается брать трубку, говоря, что будет курить трубку матери, а не черта. После этого начинается веселая потасовка.

Игра «Аскак-кадай» развивает речевые навыки у детей, участники игры повторяют, закрепляют традиционный речевой этикет, иногда говорят высоким стилем, воспроизводят этикетные формулировки в тренинговом режиме. Во время игры дети кричат, визжат, бегают, прыгают, падают, выплескивают эмоции, выводят энергию, получают встряску. Это полезно и для физического, и для психического здоровья.

Ребенок, участник игры, чувствует свою причастность к сообществу, к семье, свою востребованность, полезность, неповторимость. Это создает ситуацию успеха, ребенок стремится соответствовать той характеристике, которую дала воображаемая мать. Ребенок, исполняющий роль матери, учится в людях видеть положительные качества, обосновывать их, приводить веские аргументы в пользу того, чтобы не отдавать никого из детей. Это способствует позитивному отношению к людям, развитию логического мышления и связной речи.

Ролевые игры тувинских детей на рубеже веков способствовали успешной социализации, адаптации к жизни в обществе. В ролевой игре происходило включение ребенка в систему общественных отношений, усвоение и отработка норм поведения и человеческого общежития.

Социальные условия влияют на содержание игр. Поколение пятидесятилетних еще играло в «Сайзанак», «Аскак-кадай» и другие игры. У них не было готовых игрушек, они не посещали детских садов, они росли в традиционных семьях.

После войны игры детей были овеяны романтикой подвигов, борьбы, героизма. Затем появились игры в героев детской литературы, кинофильмов, летчиков, космонавтов. Тогда в Туве еще не было телевизора. Сейчас игры направлены на достижение легкого успеха в жизни, получение прибыли. Игры стали агрессивными. Чапаевых, Тимуров, Гагариных заменили беспощадные компьютерные супермены. Все больше родителей стали понимать о роли игры в формировании личности, стали ограничивать общение детей с телевизором, компьютером.

«Игра — удивительно богатая сфера деятельности детей. В народной педагогике роль игры ценится невероятно высоко». Г. Волков.

Задания для закрепления.

1. Расспросите родителей в какие игры они играли в детстве.
2. Попробуйте подробно записать ответы.
3. Не забудьте записать полное имя информаторов с указанием даты и места рождения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникеева Н. Воспитание игрой. — Новосибирск: Момент истины, 1994. — С. 143.
2. Волков Г. Современное функционирование народной педагогики. — Чебоксары: издательство Чувашского РИП-КРНО, 1993. — С. 86.
3. Курбатский Г. Тувинские праздники. — Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1973. — С. 80.
4. Самбу И. Тыва оюннар. — Кызыл: Тываның ном үндүрер чери, 1995.

Традиционное поведение в юрте — основа социальной самоорганизации кочевого общества

Нормам и правилам, регламентирующим поведение членов традиционного общества, проблемам самоорганизации «кочевого» общества, роли медитации и психической самоорганизации посвящены труды тувинских ученых М. Кенин-Лопсана, В. Фельдмана, Н. Абаева. Юрту по праву относят к гениальным изобретениям человечества. Кочевой быт предполагал рациональное использование пространства и вещей в юрте. Сама модель юрты в форме полушария является самой экономной, прочной и совершенной фигурой, способствующей сохранению здоровья и психофизического равновесия, развитию склонностей к медитации и созерцанию, самосовершенствованию и оптимизации биоэнергетического состояния [3]. Недаром исследователи XIX века отмечали размеренность жизни кочевого общества, созерцательность, невозмутимость, открытость и доброжелательность тувинцев.

Через дымовое отверстие «дүндүк» всегда видно вечное голубое небо днем, а ночью — загадочный мир звезд. Древние тувинцы считали, что на протяжении семи периодов жизни тувинца ему покровительствует Долаан бурган — Большая Медведица [1–7]. Тувинцы поклонялись Небу-отцу, Земле-матери. Может быть и «тенгрианство» как развитая «космическая» религия зародилась в юрте, а может юрта сконструирована по образцу неба и земли. Стены юрты символически очерчивают горизонт: границы сакральной территории — священной тувинской земли. «Ынаалар» — жерди, условный потолок, напоминающий небесную сферу — это народ. Чем больше по количеству «ынаа», тем шире пространство и прочнее юрта. А «хараача» — деревянный круг с выпуклыми снаружи перекладинами в клетку — это наш родной язык, культура, традиции, обычаи, обряды, т.е. все то, что придает своеобразие любому этносу. «Хараача» самая прочная часть юрты, это «несущая конструкция»

от которой зависит целостность юрты, то, что объединяет людей в народ. Если появится трещина в «хараача», рухнет вся юрта. Подобно этому, если мы утратим свою землю, язык, материальную и духовную культуру, растворимся среди других, более многочисленных этносов, как песчинка в пустыне. От этого станет беднее человечество. Конечно, вернуть прежнюю роль юрты, а вместе с ней и возродить традиции невозможно, да и нет такой необходимости жить в юрте. Но знать свои корни, передать потомкам историческую память своего народа и важно, и необходимо.

Кочевой быт был строго регламентирован, рационален, а вещи были многофункциональны. Традиции установки юрты, размещение в ней вещей, порядок расположения людей в юрте — все подчинялось принципам самоорганизации. Юрта — это и жилище, и обсерватория, и оригинальные часы. В ней пересекаются пространство, время и движение. Пространство юрты условно поделено между животными 12-летнего цикла. В центре юрты под «хараача», т.е. под «небом», находится очаг, подобно солнцу. Вокруг него вращается жизнь. Огонь — частица солнца, от него свет, тепло, жизнь. Тувинцы почитали огонь как один из первоэлементов бытия: «от — чаякчы» — огонь — творец.

Самая удаленная от двери точка — дөр. Там стоят расписные сундуки — аптара, некоторые по форме напоминают маленький комод. Это «место мыши», согласно «животному» циклу. Она собирает и охраняет богатство семьи: серебро, золото, украшения, обереги, нарядную одежду, ткани, священные книги. Место перед сундуками — самое почетное. Сюда приглашают уважаемого человека по возрасту, по статусу, по благородству, в соответствии с «законом уважения к старшему». Приглашенный на дөр садится на «олбук» — маленький коврик в позе «баскактынып» — подогнув под себя скрещенные ноги с приподнятыми немного коленями. В такой позе сидят только мужчины зрелого и солидного возраста и

значительного статуса в обществе. Благородный человек благотворно влияет на других, приносит в юрту согласие, благополучие и удачу.

Между сундуками и изголовьем кровати «место коровы» — это символ благополучия. Здесь садится хозяин юрты. Он — главный работник, кормилец, ответственен за настоящее и будущее семьи, ведь род ведется по линии отца. Рядом с отцом сидят сыновья. Это «тигры» — защитники чести и достоинства семьи, продолжатели рода. Они должны быть сильными, смелыми, независимыми как тигр. Им с детства выдается аванс доверия через закон уважения к мужчине. В присутствии людей более уважаемых отец и сын сидят в позе «сөгедектей», правая нога подогнута под себя, левая ставится на пол согнутой в колене.

Середину кровати занимает «заяц», а перед кроватью сидят хозяйка юрты и ее дочери. Они должны сидеть в позе «сөгедектей» — только левую ногу под себя, правая нога согнута под углом, ступня на полу. Так легче было вставать, обслуживать гостей, мужа, отдавать распоряжения по хозяйству. Мать должна быть чуткой как заяц, глаза и уши всегда должны быть настороже. Она должна видеть, слушать и слышать, чувствовать и контролировать душевное состояние и поведение членов семьи. Должна быть кроткой и пугливой как заяц. И в таком же духе должна воспитывать своих дочерей. Между кроватью и буфетом — «үлгүүр» стоит полка, куда ставят воду в деревянной посуде, медный чайник, глиняную посуду. Это место «дракона» — улу. Это небесное существо, олицетворяющее воздух. Кроме огня здесь находятся все первоэлементы: воздух, дерево, вода, земля, металл. Здесь сидят женщины — существа, дающие жизнь.

Под буфетом лежит «змея». Перед буфетом место приживалки, рабыни, служанки. Она коварна, как змея, у нее ядовитый язык, она завистлива и зла. Считали, что «сердце матери полно сострадания», а нерожавшая

женщина не может быть эмпатичной, она не умеет сопереживать. Таких женщин остерегались. С ними нельзя враждовать, но и доверять тоже нежелательно.

Дверь — «место лошади», она символ движения, перед дверью никому сидеть нельзя.

Слева от двери — «место овцы». Зимой к решетке стены на этом месте привязывают молодняк скота, летом на стену подвешивают сырое мясо, которое покрывается пленкой и дольше сохраняется в свежем виде. Это место слуг, рабов, бродяг. Это сытное место. Каждого здесь обогреют, обласкают. За каждым человеком, если не семья, то род. Роднятся до седьмого колена, к сватовьям тоже относятся как к родственникам. Различают три степени родства: кровное родство — «хан төрел», родство по реке — «хем төрел», родство по языку — «дыл төрел». Идентифицируются по крови, по месту рождения, по общему языку. Традиции взаимопомощи, взаимовыручки крепки до сих пор [4].

На ветвистом суку висят арканы, уздечки, ремни — это символ дерева. На нем сидит «обезьяна» — мечи. Из всех животных 12-летнего цикла — это самое разумное существо. Но оно проказливо, непредсказуемо, любит внешний блеск, не замечает причинно-следственных связей, живет больше эмоциями. Это место занимает молодежь. 12-летний ребенок должен уметь чутьем угадывать нужную форму поведения, он должен усвоить нормы и традиции общества и использовать их в повседневной жизни. «Аът болуру — кулунундан, кижиди болуру — чажындан» (Коня видно в возрасте жеребенка, человека — с детства).

На большие кожаные сумы — барба убирают матрацы — «кудус», одеяла — «чоорган». По аналогии с навьюченным волом, это сооружение называют «чүтк» — вьюком. В барба хранится тараа — просо, арбай — ячмень, далган — мука, одежда по сезону и другие вещи. На вьюке живет «курица» — ранняя птица. Она не дает долго спать, требует, чтобы скорее убирали по-

стельные принадлежности. Вьюк охраняет «собака» — верный помощник и спутник человека. Между вьюком и сундуками «место кабана» — хаван. Это трудолюбивое, неутомимое животное, символ сытости, здоровья, бодрости.

Вдоль вьюка до сундуков сидят почетные гости мужского пола в соответствии с возрастом и статусом.

Тувинская пословица гласит: «У недалекого человека глаза устремлены на дер». Человек должен быть самодостаточным, объективно оценивать свои достоинства, недостатки, возможности, потребности. «Ум народа ясен, как утренняя звезда». Народ по достоинству оценит каждого и каждому определит место в обществе. «Чаан оглу-даа түлээр, хаан оглу-даа түрээр» — (И слоненок линяет, и ханский сын может впасть в нужду). И сирота может стать достойным человеком, и у благородных родителей могут вырасти непутевые дети. Всему свое время, жизнь всех рассадит по своим местам.

Солнечные лучи заглянут в «дүндүк» и обойдут по кругу юрту. Самые жаркие лучи падают на дер — это полдень, солнце на дверях соответствует 6 часам вечера. Так же течет жизненный круг, отмеряя положенное каждому. Знать свое место в жизни, соразмерять свои потребности с возможностями, иметь в душе гармонию и покой — это и есть мудрость. В обществе не должно быть борьбы за лидерство и связанной с ней зависти, злобы, агрессии, что создает дисгармонию, нарушает порядок вещей. Душевный дискомфорт очень остро переживается представителями традиционного общества. Дискомфорт создается самими же людьми. Это зависит от характера, воспитания. Общество должно быть разумно организованным, как поведение людей в юрте. Это и есть основа социальной самоорганизации общества.

Задания:

1. Нарисуйте каркас юрты. Стрелками обозначьте части каркаса, укажите названия.

2. Нарисуйте юрту с войлочным покрытием. Стрелками обозначьте части войлочного покрытия, укажите названия.

3. Разработайте проект русско-тувинского иллюстрированного словаря слов на тему “Юрта”.

4. Разработайте проект рекламного буклета к сборнику «Благословение юрте».

ЛИТЕРАТУРА

1. Кенин-Лопсан М.Б. Тыва чоннуң бурунгу ужурлары.— Кызыл: Тываның ном үндүрер чери, 1995. — А. 192.

2. Абаев Н.В. Чань-буддизм и культура психической деятельности. — Новосибирск: Наука, 1983.

3. Фельдман В.Р. Общество: сущность генетическая структура, функции, социально-философские и социологические теории. — Кызыл: ТГУ, 2002. — С. 115.

4. Чүлдүм Ч. Шагаам — сүзүглелим. — Кызыл: Парлалга комитетиниң типографиязы, 1999. — А. 157.

Культура тувинского чаепития

Чай в Туве распространен с древнейших времен. Об этом свидетельствуют слова из народных сказок: «Чиң сарыг шайын хайындырып, чигир-боовазын салып турган», («Чай ароматный варили, яства выставляли»). Пословица “Чажынга аът өрттээр эвес, чаражынга шай хайындырар эвес” — “На кося коня не стреножишь, на красоте лица чай не сваришь” свидетельствует о роли чая в жизни кочевого общества. Красота лица — явление преходящее, а чай необходим каждый день.

Зеленый чай доставляли из Бээжина (Пекина) на верблюдах и лошадях. Издавна в Туве распространен зеленый кирпичный чай. Чай — основной напиток в рационе кочевника. Чай сопровождал тувинца на протяжении всей жизни. Новорожденного ребенка обмывали чаем.

Чай так прочно вошел в тувинский быт, что стал мерилем качества жизни. Чай, не забеленный молоком — признак крайней нужды. Чай, еле забеленный молоком — признак пограничного состояния семьи — “бора-бүдүн” [5,28].

Не все могли позволить себе купить целый кирпичный чай, поэтому появилась мера чая. Когда случались перебои, все ужасно страдали, занимали чай друг у друга. Целый кирпичный чай назывался — бұдүн шай, половина — чартык шай, четвертинка — улдуң шай, одна восьмая часть — кечим шай, одна заварка (щепотка) — каам шай.

В целях экономного расходования, чай толкли каменным пестиком в деревянной ступке.

Качество чайного напитка зависит от многого: посуды, молока, воды, времени года, от огня, на котором его варят.

Чай варили в плоских чугунных чашах-казанах. В них греют воду, казан натирают метелкой из конского хвоста, воду выливают, казан чистят щеткой, добавляют топленое масло или кусок сала и обтирают, чтобы он блестел [6,138].

Воду для утреннего чая брали из источника, над которым птица не пролетала, зверь не пил, человек не умывался, то есть, вода должна набираться рано утром. Первыми в аале поднимались женщины и готовили чай. У алтайцев раннее утро называли временем пробуждения женщин. Зимой брали лед. Считалось, что такая вода имеет целебные качества.

Хозяйка разводила огонь в очаге, ставила казан с водой, клала измельченный зеленый чай, соль по вкусу и закрывала крышкой из осины или тополя. Когда чай вскипал, вливали молока, лучше некипяченого, и доваривали его вместе с молоком, подвергнув методу саарар. Для этого черпают кипящий чай ковшом, поднимают руку до уровня плеч и выливают его обратно в казан, насыщая напиток кислородом. Считается, что метод “саарар” надо повторить 60 раз [6,27].

Готовый чай наливали в чайник через сито. Медный чайник хорошо сохранял тепло. Деревянные пиалы не нагревались от горячего чая и не бились при частых перекочевках.

Первую порцию утреннего чая хозяйка наливала в берестяной бидончик или в пиалу. Ритуальной ложкой-девятиглазкой “тос-карак” окропляла огонь очага, который почитался как святыня, затем выходила из юрты, окропляла Небеса и Землю, которые в соответствии с древней религией тенгрианством почитались как “Небо-отец”, “Земля-мать”, вымаливая благополучия семье, роду. Эта молитва называлась “чалбарыг”:

Каждая хозяйка вымаливала благополучие по-своему: “Тос Дээрим, Долаан бурганым, өршээ! Алдын Таңдым, ава Черим, өршээ! Аал-ораным өршээ, ажы-төлүм өршээ, арат чонум өршээ! Өршээ! Өршээ!” — “Будьте милостивы, мои Девять Небес, мое божество Долаан! Моя золотая Таңды — Мать Земля, спасите и помилуйте мой аал, моих детей, мой народ! Помилуйте! Помилуйте!”

Монгуш Кенин-Лопсан описывает такую типичную утреннюю сцену: «Моя бабушка вставала, как всегда, раньше восхода солнца. Когда рассвет еще только начинался, она успевала сварить утренний чай и, сразу же налив его в деревянное ведро, брала в руки тос-карак. Она разбрызгивала свежий чай сначала в огонь, потом, выходя из юрты, обращалась к солнцу, принося в жертву чай. Она тихо-тихо говорила молитвенные слова в ритм разбрызгивания чая: «Благодарю, Огонь-бог, ведь ты божество! Благодарю, Солнце-мать, ведь ты божество» [2,73]. Существует примета: нельзя оставлять кипящий чай, надо его обязательно пригубить, иначе не повезет.

Небо в традиционном мировоззрении имело девять слоев. На каждом слое обитали свои определенные жители. Под божеством Долаан подразумевали созвездие Большой Медведицы, которое покровительствовало тувинцу на протяжении семи периодов его жизни: младенчества, детства, отрочества, юности, молодости, зрелости и старости.

Тос-карак — тувинское название ритуальной девятиглазкой, длинной деревянной ложки с девятью кропле-

ными отверстиями, из которой разбрызгивают в жертву чай, молоко или священную воду аржаан.

Нередко тос-карак под резцом умелых мастеров превращалась в подлинное произведение прикладного искусства. Главным ее украшением служили священные орнаменты.

Строение ритуальной палочки — тос-карак связано с традиционным представлением о девяти небесах, о традиционной религии тенгрианстве.

После ритуала “чалбарыг”, хозяйка наливала чай хозяину юрты, затем — детям и себе, после чего приглашала соседей. Это обязательный ритуал при чаепитии. Он всегда соблюдался с древнейших времен [2,68].

Хотя юрта была составной частью приданого хозяйки и являлась ее территорией, главным в юрте и семье почитался мужчина: хозяин, работник, кормилец.

Совершение обряда с помощью тос-карак порождает чувство уверенности в достижении желаемого результата, все это способствовало мобилизации внутренних ресурсов каждого из его участников, а также повышало эмоциональный и психологический эффект, вызванный исполнением ритуалов.

В настоящее время, многие семьи вновь начали использовать тос-карак. Разбрызгивание тос-караком в новолуние, полнолуние, учитывая дни благоприятные для подношения, стало своего рода семейной традицией.

Это означает, что мы, тувинцы, не утратили взаимосвязь с природой, понимаем, что человек — частица Вселенной [2,66].

Феликс Кон описал, как тувинец сорвал травинку, окунул ее в чай и имитировал брызгание на четыре стороны света. Это делалось в походных условиях, когда под рукой не было ритуальной ложки [3,367].

Соблюдая этот ритуал, люди не всегда осознают, что имеют дело с одним из древнейших культов [2,66].

Маленьким детям тувинцы не давали чай. Иргит Бадра объяснял это тем, что чай может плохо повлиять на

работу детского сердца, может усилить потовыделение, может наступить зависимость от чая: будет часто болеть голова, расширятся сосуды [1,70]. Тувинский чай, забеленный молозивом, необыкновенно ароматен. Но коровьему молоку предпочитали овечье или козье. Чай с таким молоком более густой и ароматный [6].

В знак особого уважения родителям невесты на этапе “Шай бузар” тувинского свадебного обряда преподносили на белом кадаке — ритуальном шелковом шарфе плитку зеленого чая. Чай дробился и раздавался всем присутствующим со стороны невесты. Получивший чай, должен был принять участие в сборе приданого “өнчү” для невесты.

Ценгельские тувинцы, забрав приданое невесты, за решеткой юрты оставляют плитку чая, завернутую в шелковую ткань.

Благославляя невесту, принимая ее в свою семью, свекровь говорила: “Суксаан кижн сурап кээрге, сускун чеми белен турзун, аштаан кижн адап кээрге, ажы чеми белен турзун” (“Если жаждущий придет, пусть у нее чай будет готов, если голодный придет, пусть у нее еда будет готова”) [8,37].

У кобдоских тувинцев невестка одной спичкой разжигает огонь, ставит большой казан на таган, варит чай и угощает всех присутствующих. Все наблюдают за ее действиями: соблюдает ли обычаи, проявляет ли сноровку, не запачкалась ли, какой чай сварила, как подавала [9, 12—17].

Завершив свадебный обряд, мать и отец невесты перед отъездом из аала сватов, заходили в юрту дочери выпить чай. После чаепития отец клал пестик на подол дочери и говорил: “Где камень положил, там и лежит, куда дочь отдал, там и живет” [9,49].

Тувинская пословица “Арга кирген кижн саат дайнаар, аалга кирген кижн аяк эрии ызырар” — “Кто в лес пойдет, тот серу жует, кто в юрту войдет, тот чай пьет” свидетельствует о традиционном гостеприимстве тувин-

цев. Непреложным законом гостеприимства у тувинцев было: обязательно накормить гостя, сначала подать чай и угощение к нему, попозже сварить мясо, суп.

Современные диетологи считают, что после приема пищи не следует сразу запивать чаем или другими напитками. Это не способствует быстрому перевариванию пищи, так как концентрация соляной кислоты в желудке снижается. Может быть, рационально сначала пить чай, потом принимать пищу, как было в традиционном тувинском обществе.

Имеются локальные различия угощения гостя чаем в разных кожуунах.

Если чай готовится для гостей, хозяйка наливает первую порцию “шайның байы” — “богатство чая” для себя в пиалу. В южных и центральных кожуунах ставят перед гостем медный чайник с горячим чаем, гость сам наливает себе чай в пиалу. В западных кожуунах наливают чай в пиалу, берут в ладонь правой руки, левой обхватывают рукав на запястье правой руки и с поклоном преподносят гостю. Гость принимает пиалу двумя руками, слегка привстав, с наклоном головы. Нельзя наливать пиалу до краев [1,245].

К чаю подаются различные блюда: мясо, сыр, чөкпек, различные виды лепешек, печений, далган, тараа, сливочное масло, топленое масло, пенки.

Кочевнический быт очень рационален. Зеленый чай с молоком употребляли для приготовления различных блюд:

- в свежий горячий чай крошили холодное вареное мясо, отстаивали несколько минут. Получался своеобразный пикантный бульон;

- в горячий чай клали куски сыра;

- в пиалу с толченым жареным просом — чиңге тараа наливали горячий чай, отстаивали и пили. Набухшее просо съедали;

- в муку из жареного и толченого ячменя добавляли сушеный творог, сливки, пенку или топленое масло,

заливали горячим чаем и размешивали. Получалась густая аппетитная каша. Точно так же готовилась и каша из жареного проса;

— в раскаленном казане на топленом масле жарили ячменную муку — далган с сушеным творогом, толченой черемухой, добавляли свежий чай. Постоянно перемешивая, доводили до кипения. Получался чекпек;

— в горячий чай крошили пресные лепешки, клали боорзак.

Чаем лечились:

— в свежий чай добавляли топленое масло — лечились от простуды;

— чаем без молока промывали глаза;

— новорожденного обмывали чаем;

— в кипящий чай добавляли измельченные корни бадана или пиона, кору пихты, ягоды шиповника, листья солодки. Так лечились от простуды, при расстройствах желудка, кашле.

Традиционная культура запрещала тувинским женщинам употреблять спиртное. Поэтому женщины собирались на чай, угощались, общались, расслаблялись.

Чай сопровождает тувинца в последний путь. Под голову покойника при погребении кладут плитку чая, завернутую в белый кадак. Это плата за землю и пожелание белой дороги в иной мир.

Нами проведено анкетирование среди учащихся 5–11 классов, учителей и работников школы. Всего респондентов 357.

Чай продолжает оставаться необходимым продуктом в тувинской семье. 90% семей чай пьют ежедневно, 8.3% — иногда. 38.5% семей пьют чай с молоком, 30% — с сахаром, 19% — с молоком и сахаром. 36% семей заваривают чай в пакетиках, 37% — варят по-тувински, 18% — по-русски.

Покупают зеленый рассыпчатый — 19%, 9% — зеленый кирпичный; 57% — черный в пакетиках.

В основном, употребляют чай в пакетиках. Покупают в магазине зеленый байховый чай. Кирпичный зеленый чай становится дефицитным.

Ритуальную ложку “тос-карак” имеет 36% семей. Ритуал окропления чаем систематически никто не проводит. Проводят иногда — 35% семей. Данный ритуал проводится во время празднования Шагаа, во время похорон, проводов в дальнюю дорогу, проведения значительных событий в жизни человека: экзамены, операция, сватовство, свадьба, устройство на работу. Значение ритуала изменилось: преобладают потребительские мотивы. Ритуал совершается для того, чтобы извлечь для себя пользу.

Забывается первоначальный смысл этапа “Шай бузар” — “Дробление чая” свадебного обряда. Плитку чая родителям невесты преподносят, но те не знают, что его надо раздробить и раздать своим родственникам. Теряется смысл обряда.

Из утвари для приготовления чая уходят ступки и пестики, казаны, дуршлаг-плетенка, метелка, щетка для чистки казана, чайник в виде кувшина, медный чайник, тренога.

Традиция возникает в определенных исторических условиях и уходит со временем. Ее нельзя сохранить в неизменном виде. Она трансформируется в соответствии с новыми условиями жизни. Но ценностное ядро остается. Тувинцы по-прежнему встречают гостей белым чаем на белом кадаке — ритуальном шарфе. В критические моменты совершают ритуал окропления чаем.

Из жизни этноса уходит ежедневный ритуал окропления чаем, молитва небесам, духам земли и воды. Есть опасность исчезновения культуры тувинского чаепития. Вместе с ним могут уйти и значимые ценности: роль женщины, как берегини семейного очага, роль мужчины, как ответственного за благополучие семьи и рода, гармония во взаимоотношениях “человек — природа”. Сохранить в исторической памяти культуру тувинского чаепития важно и нужно. Это составная часть культуры этноса.

Задания для закрепления.

1. Попробуйте ответить на вопросы анкеты.
2. Проведите анкетирование в своей семье.
3. Попытайтесь интерпретировать данные анкет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бадра Иргит. Арзылаң Күдерек. — Кызыл: Тываның ном үндүрер чери, 1996. — С. 340.
2. Кенин-Лопсан М. Тыва улустуң бурунгу ужурлары — Кызыл: Тываның ном үндүрер чери, 1994. — А. 174.
3. Кон Ф. Экспедиция в Сойотию. Тыва дептер, т.4. — Москва: Слово 2007. — С. 547.
4. Куулар Х. Дикорастущие растения в традиционной тувинской кухне. — Кызыл: Тув. ИКОПР СО РАН, 1997. — С.106.
5. Курбатский Г. Тувинцы в своем фольклоре. — Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2001. — С. 460.
6. Намзал Э. Холу чемзиг авам сеңү. — Кызыл: Новости Тувы, 1995. — С. 153.
7. Тувинские пословицы и поговорки. — Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1966. — С. 173.
8. Тыва улустуң алгыш-йерээлдери. — Кызыл: Тываның ном үндүрер чери, 1990. — А. 139.
9. Уламсуренгийн Цэцэгдарь. Образцы фольклора и речи кобдоских тувинцев. — Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2003. — С. 191.
10. Хохлачев В. Все о чае. — Москва: Просвещение, 1987. — С. 206.

Питейная культура тувинцев на рубеже XIX–XX веков

Неизвестно, когда у тувинцев появился аппарат для перегонки молочного напитка хойтпак. Но физическое явление круговорота воды в природе использовано тувинцами именно в этом изобретении.

В чугунный казан наливали хойтпак, ставили на нее перегонный аппарат — шууруун, изготовленный из куса цельного ствола дерева, и закрепляли в казане при помощи камней-голышей. На верх этого аппарата, похо-

жего на коническую кадку без дна, ставили другой для охлаждения — казан-чылапча, который служил своеобразным конденсатором. Щель между аппаратом и казаном закрывали специальной войлочной лентой, чтобы не уходил пар. Под большим казаном разводили огонь. Когда дно маленького казана разогревалось, в нее наливали холодную воду. Хойтпак в большом казане должен закипеть.

Арака начнет выделяться в тот момент, когда вода в верхнем казане разогреется. Она будет вытекать из шуурууна по наклонному желобку. Готовую араку наливали в специальную кожаную фляжку — көгээржик и закрывали деревянной пробкой [3].

Суг мээлиг,	(Вместо мозга вода,
Шой баштыг,	Из чугуна голова,
Кидис мончарлыг,	С шарфом войлочным
Ыяш хөнектиг,	Чайник деревянный
Демир олуттуг	Сидит на железе прочно) —

так метко народ отразил в загадке аппарат для перегонки араки [3].

Тувинцы перегоняли араку не только из хойтпака, но и из кумыса, облепихи, пшеницы, проса [1]. Но широко распространенной была перегонка из хойтпака, так как использовали в пищу и продукты переработки хойтпака. Это божа, итпек, ааржы, курут.

Но араку перегоняли только в летнее время, когда было достаточно молока, поэтому пьянство среди тувинцев в конце XIX начале XX вв. не было распространено [2].

Когда Тува находилась в составе Маньчжурии, во всех кожуунах были торговые лавки китайских купцов. В них продавали китайскую водку — кыдаттың кара арагазы (черная китайская водка). Тувинцы остерегались ее употреблять, так как считали, что она отнимает жизнь. Маньчжурские власти применяли репрессивные меры против пьяниц. Запрещалось употребление араки днем [1].

На протяжении веков тувинцы выработали свою питейную культуру.

У богатых людей имелась серебряная посуда для араки. Кундага — серебряный кувшин, дашка — серебряный бокал на ножке. Серебро обладало дезинфицирующим свойством. Об этом люди знали издревле и максимально старались обезопасить себя. Угощение ставили на низкий столик с резными ножками — ширээ.

Куспак челдиг Кула-Дойну
Баглаажынга хүндүлеңер!
Алдын дашка, кундаганы
Ширээзинге хүндүлеңер!
(Коня с необъятной гривой,
Уважьте возле коновязи!
Золоченые дашка и кундага
Выставляйте на ширээ!) —

так пел, аяк-хаа — виночерпий или кравчий, который прислуживал знатым людям во время пиршества. Он должен был воспевать достоинства гостей:

Оо, Хаяң, ээ, Хаяң!
Эйлиг-Хемден келген Хаяң,
Эйлиг-Хемден келген болгаш
Эрес, кежээ, кайгал, Хаяң!

Хозяин наливал араку в дашка, брал в правую руку, левой рукой обхватывал правый рукав на запястье и с поклоном подавал араку почетному гостю. Тот брал дашка обеими руками, слегка коснувшись губами края дашка, возвращал обратно хозяину. При этом говорил:

«Амзавас дээш амзавады дивеңер,
Амбын-Чиңгис айыткады» —

(Не подумайте, что специально не пригубил,
Таково повеление Великого Чингиса.)

Хозяин обеими руками брал дашка и сам пригублял араку и вновь подносил гостю. Только после этого гость выпивал. Может быть, когда-то, во избежание отравления, и повелел Чингис-Хан высшим должностным лицам

есть и пить только то, что сначала отведаёт сам хозяин. Чингис-Хан ограничил употребление араки до трёх раз в месяц. Он считал, что лучше вообще не употреблять араку. Кандидат политических наук В.Фельдман считает, что дальновидный политик Чингис-Хан не мог не ограничить употребление араки, так как пьянство — это самоуничтожающее поведение.

Более двух дашка не употребляли. Ограничиться одним дашка нельзя было, так как у человека две руки, две ноги, имеется жена, семья [1]. После двух дашка человек крепко держится в седле. Это тоже гарантия безопасности жизни и здоровья.

В каждой семье большая часть хойтпака по мере его накопления и возможности перегоняли в араку. Основная цель этой операции — получение творога, который остаётся после перегонки араки и идёт на приготовление различных видов сыра [4].

О пагубном влиянии араки на организм древние тувинцы уже знали, ведь в составе алкоголя содержится яд, отравляющий весь организм:

«Хойтпакты тигерге, арага үнер,
Араганы тигерге, аржаң үнер,
Аржаңны тигерге, коржаң үнер,
Коржаңны тигерге, хоран үнер».

(От перегонки хойтпака — кисломолочного продукта, получается арака — молочная водка, от перегонки араки получается аржаң — спирт, от перегонки аржаңа получается коржаң — вещество более сильной концентрации, от перегонки коржаңа получается яд).

Большинство преступлений совершается в состоянии опьянения. Это является отягчающим фактором: «Араганың кырынга чам үнер» (Употребление араги приводит к беде).

Ученые-генетики полагают, что в организме тувинцев отсутствует фермент, расщепляющий алкоголь. Это потому, что в традиционное питание тувинцев не входили хлеб и дрожжевые продукты.

Водку и дрожжесодержащие продукты тувинцы чрезмерно стали употреблять только с середины XX века, поэтому организм к ним не адаптировался и не выработал защиту. Этим можно объяснить быстрое опьянение от небольших доз, привыкание, зависимость организма от алкоголя среди тувинцев. Если пьянство — результат неправильного воспитания, слабоволие, результат распушенности, подражание дурным привычкам, то алкоголизм — серьезная болезнь, требующая лечения. Нередко эти усилия оказываются напрасными. Нет ничего ужаснее мужа — пьяницы, заставляющего страдать жену и детей.

Тувинцы выработали запрет на употребление арага мужчинам до 40 лет.

«Эр кижиниң төрө баштаар угааны 40 харлыында быжар» — «Государственный ум у мужчины созревает в 40 лет».

Если с раннего возраста отравить организм алкоголем, то мужчина не сможет быть защитой и опорой для семьи и рода. А после 40 лет, даже в состоянии опьянения, мужчина может контролировать свое поведение, знать меру. У 40-летнего мужчины могут быть уже внуки, он переходит в статус дедушки, у него уже родители состарились и постепенно отходят от управления родом, на него ложится бремя ответственности, он должен быть примером для детей, невесток и внуков, поэтому он должен соответствовать ожиданиям общества.

Алкоголь оказывает отрицательное влияние на потомство. Об этом знали еще в глубокой древности. В 40 лет, в основном, завершился детородный возраст и уже сводится к минимуму рождение неполноценных детей.

Женщинам вообще запрещалось употребление спиртного. Говорили: «Если отец пьет, полдома горит, если мать пьет, весь дом горит».

Среди родителей проведено анкетирование с целью выявления знаний тувинских традиций. Знают очень мало, молодые родители считают, что женщина была

бесправной, поэтому не имела права употреблять спиртное, а теперь можно все. Утрата традиции сопровождается упадком нравственных ценностей. Утрачен запрет на употребление спиртного мужчиной до достижения 40-летнего возраста, а женщины стали злоупотреблять алкоголем. Это повлекло за собой целую серию негативных последствий, опасных для общества.

В выборе невестки участвовал весь род. Издревле тувинцы понимали, что благоприятный морально-психологический микроклимат семьи, ее благополучие зависят от женщины, какова мать, таковы и дети. Благодаря мудрости женщины может в лучшую сторону измениться и жизненная позиция мужа. Народ был убежден в том, что дочь достойных родителей не уронит чести своей новой семьи.

Вот перечень последствий утраты единственной традиции, запрещающей женщине употреблять спиртное:

1. Женский алкоголизм стал настоящим бичом общества. Кто же будет уважать пьяную женщину? В традиционном обществе женщина была уважаемым членом семьи. Она не была бесправной. В семью мужа она привозила «өнчү»: юрту с убранством, одежду по сезонам, украшения, скот, словом, все, что нужно было для самостоятельной жизни новой семьи. Статус женщины определялся количеством и качеством приданого өнчү. За ней всегда сохранялась ситуация возвращения в свой род. При этом она имела право увезти с собой детей, имущество, скот, что было невыгодно роду мужа не только экономически. Ведь дети уходили в чужой род.

2. Подвергается сомнению «закон уважения к старшему». Имеет ли право требовать уважения к себе пьющий человек?

3. Тувинцы не придавали большого внимания словесным методам воспитания. Они воспитывали личным примером. Может поэтому, среди подростков распространен интерес к алкогольным напиткам? Ведь для них примером является пьяница-мать.

4. Пьющая женщина может негативно повлиять и на мужа. Все больше теряется статус мужчины как главы семьи, опоры, поддержки, кормильца, главного воспитателя.

5. Из жизни общества уходит духовность. Природа не терпит пустоты. Неизменные спутники алкоголизма: ложь, агрессия, болезни, преступления, правонарушения, семейное неблагополучие, супружеские измены, разводы.

6. Как правило, пьющая женщина не контролирует свое поведение. Она не стесняется употреблять бранные выражения, что было недопустимо в традиционной семье. Древние тувинцы боялись осквернить духов воздуха бранными выражениями, боялись остаться без защиты от нечистой силы. Предаются забвению прекрасные традиции тувинского речевого этикета.

7. Кроме тоджинских женщин, тувинки не имели права убивать животных. А теперь бывают случаи, когда женщина убивает мужа. В традиционной семье быт был строго регламентирован. В юрте каждый знал свое место. Место женщины-хозяйки перед кроватью, там, где было пространство «зайца». Она должна быть внимательной и чуткой, как заяц, видеть и слышать своих домочадцев. Она пуглива, как заяц, легка на подъем.

Пьющие, особенно женщины, под влиянием алкоголя делаются развязными, болтливими, несдержанными, недостаточно критичными к своему поведению. Последствия случайных половых связей, наступивших в результате опьянения, бывают трагичными.

Венерические заболевания, рождение неполноценных детей — это ведь не только слова, за ними искалеченная, бездарная жизнь, преждевременное увядание, смерть. От пьянства родителей страдают дети. Нередко в пьющей семье, дети тоже становятся пьяницами. Ведь в них пьющая семья закладывает комплекс неполноценности с раннего возраста.

Очень опасен алкоголь для юных, особенно девушек, поскольку их организм в период роста легче подвергается воздействию наркотиков, алкоголя. С незапамятных времен наши предки считали единственными пригодными напитками детей воду и молоко. Алкоголь общетоксичен, и в организме нет такого органа или ткани, на функции которого он не оказывал бы отрицательного влияния.

В первую очередь алкоголь пагубно действует на молодые клетки, таковыми в организме человека являются половые. Это значит, что если в момент зачатия хотя бы один из родителей был пьян, то это может привести к рождению неполноценного ребенка. Такие дети часто отстают в психическом развитии, либо страдают различными нервно-психическими заболеваниями. Детей, страдающих врожденными уродствами из-за того, что они были зачаты родителями в состоянии алкогольного опьянения, во Франции называли «детьми воскресного дня», «детьми веселого ужина», «детьми алкогольной утехы».

Алкоголь в не меньшей степени поражает и уже развивающийся плод. Если женщина во время беременности употребляет спиртные напитки, то имеются все основания полагать, что здоровым ребенок не родится, или расти он будет хилым, слабым, болезненным. Тувинская пословица гласит: «Сагыш-биле чорба, сааттыгны коргутпа!» — «Не делай все, что вздумается, не волнуй беременную женщину». Народ издревле понимал о значении внутриутробного развития ребенка, заботился о физическом и психическом развитии плода.

Исследования ученых доказали, что у юношей и девушек алкоголизм как тяжелая, трудно излечимая болезнь возникает и развивается в четыре раза быстрее, чем у взрослых. Разрушение личности происходит гораздо быстрее.

Нелишне повторить, что при употреблении вина у девушек и юношей поражаются все органы, но особенно ранимы центральная нервная система, резко ухудшает-

ся память, нарушается психика, снижается контроль за своими действиями.

Тревожит отношение к алкоголю среди учащихся школы №2 г. Турана. Из 210 школьников у 30,9 % респондентов пьющая семья, у 32,3 % детей одноклассники выпивают, положительно относятся к алкоголю 9,5% человек. Положительно то, что учащиеся 9-х классов не считают своим идеалом пьющих ребят и девушек. Отрицательным качеством они считают алкоголизм и хорошо знают последствия пьянства.

Традиционное поведение в юрте было строго регламентированным. Семилетний ребенок знал свое место и подобающее поведение. Народ хорошо знал, насколько хрупок детский организм. Поведение каждого ребенка было контролируемым. При отклонениях немедленно вносилась коррекция. В настоящее время нередки случаи употребления алкоголя среди несовершеннолетних. Как правило, преступления, со стороны несовершеннолетних совершаются в состоянии алкогольного опьянения.

В традиции погребения не входило употребление спиртного. Тувинцы считали, что «сүнезин» — душа сердится, если люди пьют арагу, шумят, не контролируют свое поведение. Очень часто похороны превращаются в пьянство. Тувинцы приходят выразить соболезнование и приносят с собой водку и табак. Хорошо, если это отдается хозяевам, в некоторых кожуунах принесенное сами же начинают наливать присутствующим. Еще хуже, когда возле свежей могилы начинается распитие спиртного. Это выдают за традицию. Такой традиции никогда не было.

Алкоголизм — самый коварный враг общества. Не в бою погибает тысячи молодых людей. Социальные проблемы, связанные с ростом безработицы, усугубляют положение. 72% семей учащихся нашей школы не имеют работы, живут только на социальные пособия. Пьющие семьи тоже из этой же категории. Не имея возможности

купить качественные, дорогие вина, они покупают суррогаты, отравляют себя и умирают.

К сожалению, работники торговли продают детям алкогольную продукцию.

В чем же выход из создавшегося положения? Панацеи нет. Мы анализируем следствие. Причин много, но всегда есть выбор: пить или не пить. Принятие решения диктует внутренний стержень, на который влияет и школа, нередко вопреки семье, вопреки среде.

Действенным средством оздоровления общества нам представляется обращение к истокам, к исторической памяти предков, к тому опыту, который помог сохраниться и выжить в экстремальных природно-климатических условиях и исторических катаклизмах.

Задания для закрепления.

1. Попробуйте ответить на вопросы анкеты.
2. Проведите анкетирование в своей семье.
3. Попытайтесь интерпретировать данные анкет.
4. Научитесь технике отказа в случае алкогольной провокации:

А). Независимое поведение. Покажите, что вы не поддаетесь на провокации. Лучше нападите на провокатора, уличите его в злонамеренности.

Б). Поразите интеллектом. Приведите 5 доводов в пользу здорового образа жизни.

В). Изобразите «заедающую пластинку»: повторяйте одну и ту же фразу о своем отказе от употребления алкоголя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кенин-Лопсан М. Тыва чаңчыл. — Кызыл: Билиг, 2000. — А. 358.

2. Курбатский Г. Тувинцы в своем фольклоре. — Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2001. — С. 463.

3. Намзал Э. Холу чемзиг авам сөнү. — Кызыл: Новости Тувы, 1995. — С. 153.

4. Потапов Л.П. Очерки народного быта тувинцев. — Москва: Наука, 1969. — С. 402.

Информатор:

Оюн Кон-оол Чайланович, (1902–1976), уроженец Пий-Хемского кожууна.

Духовная сущность Шагаа

1. Канун Шагаа

Разные народы по-разному празднуют начало года. Но несмотря на различия, общим для всех народов является веселье, шум, карнавал, шествие в масках, призванные отпугнуть, прогнать зиму; обильная еда, связанная с надеждами на лучшее будущее.

Мы не знаем, с какого времени тувинцы празднуют встречу Нового года весной. А.К.Кужугет в монографии “Духовная культура тувинцев: структура и трансформация” приводит одно из первых описаний празднования Нового года при дворе императора Китая Хубилая — внука Чингис-Хана путешественником Марко Поло [1, 65].

Несомненно, праздник Шагаа пришел в Туву из Монголии. Термин “Шагаа” имеет монгольское происхождение, в переводе — “Белый месяц”. Может, название месяца связано с символикой белого цвета в сознании народа.

Белый цвет — самый священный и желанный, символ чистоты, благородства, благополучия, богатства, добра, почета. Самое высокое положение занимает белая пища, скотина белой масти, белая юрта, человек с белой душой, белая одежда. Преимущественно белый цвет присущ предметам, применяемым в сфере сакрального: ак чем — белая пища, молочные продукты, ткани белого цвета: чалама — ритуальные ленточки, кадак — шелковые шарфы ритуального назначения, белые войлочные ковры — ширтек, энчек, ак өг — белая юрта, символ благополучия [7].

Шагаа первым описал русский путешественник-исследователь А.Адрианов. Лучшим этнографическим и художественным описанием Шагаа являются главы из “Повести о светлом мальчике” С. Сарыг-оола. Более глубоко исследовала духовную сущность Шагаа доктор философских наук А. Кужугет в монографии «Духовная культура тувинцев: структура и трансформация».

Шагаа — возвращенный, реабилитированный праздник. Он был запрещен как пережиток прошлого.

Ценгельские тувинцы сохранили историческую память о кануне Шагаа, чему не придается должного значения в Туве. У нас практикуется внешнее очищение: жилища, одежды.

В канун Шагаа принято просить прощения, восстанавливать добрые отношения друг с другом. Всем аалом собираются в юрте шамана, который проводит своеобразный психологический тренинг освобождения от груза проблем, страхов, тревог. Каждый желающий озвучивает свои проблемы, шаман помогает найти путь к правильному решению. Это мудро, вступать в новый год с обновленной душой. К шаману приходят всей семьей. Дети должны видеть проявление лучших черт характера в повседневной жизни взрослых. Еще Аристотель писал, что привычки, приобретенные в юности, определяют всю дальнейшую жизнь человека. Нравственные категории абсолютны: нельзя плохо обращаться с детьми, унижать других людей, мучить животных, думать только о себе, лгать, воровать, не выполнять данное обещание. Следует уважать других и заботиться о них, быть верным слову, добродетельным, великодушным и щедрым.

Становление характера зависит от собственных усилий детей. Нужно формировать важное свойство личности — умение прощать. Ему соответствуют черты характера: скромность, жизнерадостность, душевный покой, милосердие, благодарность.

Это проявляется в терпимости к чужим проступкам, в освобождении себя от горького чувства обиды, злобы и желания отомстить, восстановление добрых отношений.

Простить — значит, перестать упрекать человека за нанесенную обиду, не ставить в вину человеку дурную мысль или плохой поступок, не таить обиду, перестать сердиться, не ждать, пока обидчик первый подойдет мириться, проявить инициативу. Люди способны прощать друг друга. Быть великодушным трудно, но полезно для

себя самого — гнев всегда порождает ответный гнев, разрушает психику человека. Прощение необходимо людям.

В христианской культуре есть мудрый день — прощенное воскресенье. Прощая друг друга, люди разрывают порочный круг озлобленности и мести. Прощение избавляет нас от ощущения вины и возвращает нам уверенность в себе. Пока мы чувствуем за собой вину, мы не можем полностью реализовать свои возможности. Получая прощение, люди с большей готовностью отдают силы на благо общества.

Тувинцы заметили такую закономерность: если человек не способен к покаянию, то он и не изменит своей жизненной позиции. Все в мире взаимосвязано, причинно-обусловлено.

В несовершенном мире, где ни на минуту не прекращается война, очень важно сеять зерна добра. Добрые посевы дают хорошие всходы. Может быть, совершенствуя себя, мы внесем свою лепту в усовершенствование мира.

Методы закрепления и углубления материала:

1. Составьте текст договора о жизни в классе без взаимных упреков и обид.

2. Проведите опыт: постепенно капайте раствор хлорной извести в банку с окрашенной водой, пока вода не станет прозрачной. Ассоциация: по мере прощения обид так же очищается ваша душа.

3. Что значит простить? — Очистить душу. Это нужно не столько обидчику, сколько тебе.

4. Каждая мысль, слово, действие имеют последствия. Прощение возрождает дружбу, мир и покой, возвращает физическое, психическое и нравственное здоровье.

5. Какая черта характера поможет вам простить обиды (смелость, сострадание, великодушие, любовь, уважение, чувство ответственности).

6. Какое ощущение испытываете, если сумеете простить обиду (удивление, счастье, радость, облегчение, желание начать новую жизнь).

7. Распределите слова по двум колонкам:

Человек, который готов простить. Человек, который таит обиду.

Разочарованный, добрый, счастливый, озабоченный, стремящийся к примирению, несчастный, довольный, угрюмый, веселый, мрачный, деликатный, спокойный, жизнерадостный, подавленный, свободный, мстительный, подозрительный, сердитый, дружелюбный, чуткий.

Выводы:

Самое важное время — сейчас.

Самый нужный человек — тот, кто рядом.

Самое важное дело — делать добро, любить и прощать.

8. Обсудите в группе, почему нельзя платить злом за зло?

2. Обряд “чолукшуур”

В культурах разных народов есть много общего. Это те крупинки драгоценного опыта выживания, которые просеяны временем.

В традиционном тувинском обществе уважение к старшему было возведено в ранг закона. Самое ценное у старшего поколения — жизненный опыт.

Пятая заповедь христианства наставляет почитать отца и мать. Человек, не почитающий родителей, обречен на ошибки. Умный учится на чужих ошибках. Есть люди, которые повторяют свои же ошибки. Порой за ошибки родителей расплачиваются дети.

Казахский просветитель XIX века Абай Кунанбаев писал: «Мир — безбрежный океан. Время — неутихающий ветер. Поколения подобны волнам, спешащим друг за другом. На их смене держится вечная жизнь».

Каждое последующее поколение обязано предыдущему своей жизнью.

С рождения человек учится у родителей, у старших гармоничным взаимоотношениям с обществом, с природой, дает оценку поступкам своим и других людей, учится различать хорошее от плохого, формирует в себе свойства, определяющие поведение, которое приносит благо ему самому и обществу в целом.

Древние греки считали мудростью триединство мысли, слова и дела. Достоин уважения человек, который думает правильно, говорит правильно и поступает пра-

вильно. Такой человек является образцом для подражания.

Всего раз в год, в дни празднования Шагаа, принято при встрече приветствовать старших людей по-особому. Этот обряд приветствия называется “чолукшуур”. Старший протягивает обе руки ладонями вниз. Младший — с раскрытыми ладонями дотрагивается локтя старшего. При этом, оба склоняют головы. Старший благословляет младшего, младший преподносит старшему кадак — ритуальный шелковый шарф.

В день Шагаа мужчины с детьми мужского пола отправляются встречать рассвет, на подготовленное место — возвышенность, для отправления обряда возжигания ритуального огня в честь божества — Деңгерлер, Тос Дээр — Тенгри, Девяти Небес. Этот ритуал называется “саң салыр” — “возжигание можжевельника”. На определенной высоте на плоском камне из щепок сооружается подобие оградки. В нее кладут топленое масло, вареную баранью грудинку. Возжигают огонь, произносят благопожелания новому году, ритуальной ложкой — девятиглазкой “тос-карак” с молитвами “чалбарыг” опрыскивают ритуальный огонь, четыре стороны света чаем, три раза строем обходят огонь. От жертвенного огня возжигают можжевельник, которому придаются очищающие свойства. Им окуривают всех присутствующих. Веточку можжевельника кладут в огонь. После жертвоприношения очищают шапки, тон снегом, символически вытряхивают негативное, грязное, чтобы обновиться. Затем подходят по очереди к уважаемому мужчине, выражают ему свое почтение, принимают его благословение, проводят ритуал “чолукшуур”.

В традиционном обществе царил культ старших по возрасту. Жизненный опыт, мудрость — самое главное богатство старшего поколения. Этот опыт выживания не имеет цены. Старики — носители духовной культуры, хранители исторической памяти этноса. Передача этого опыта потомкам — залог сохранения народа перед ли-

цом ассимилятивных процессов, глобализации, кризисных явлений.

Методы закрепления.

1. Обсуди с родителями идею сооружения семейного места для обряда “саң салыр” и отправления данного обряда во главе со старшим мужчиной в роду.

2. Проведите накануне Шагаа психологический тренинг покаяния, прощения обид друг другу. Сделайте первый шаг.

3. Посмотрите видеофильм “Ценгел тываларынче аянчорук”.

3. Праздничная трапеза в Шагаа

После отправления обряда “Саң салыр” мужчины идут в аал. Женщины уже должны приготовить угощение. Основу трапезы составляет мясо, жирный суп из “хырбача”. Это сохранные в брюшине лакомые нежные куски мяса, забитых на зиму животных. Эти куски мяса, как бы, склеиваются, поэтому называется “хырбача” от слова “хырба” — клей. Хырбача строгаётся, а не нарезается. В супе сколько мяса, столько и лапши. Суп приправляется таежным замороженным луком, приправами.

Отваривается “тырткан” — колбаса из жирной кишки, начиненная рубленным мясом, салом, диким луком, пряностями.

Выставляется далган, тараа с пенками, топленным маслом, сушеным творогом.

Ценгельские тувинцы готовят блюдо, называемое “шагаа” — из продолговатых жареных лепешек выкладывают сооружение наподобие оградки-сруба. Внутрь кладут боорзак, изюм, леденцы, кусочки сыра. Сверху обсыпают сахаром.

В Шагаа принято обильно готовить и угощать всех, кто заходит в юрту. Это день открытых дверей, все ходят в гости друг к другу, чтобы выразить почтение, высказать благопожелания. Это своеобразная благотворительность. В этот день досыта наедаются и нищие, и бродяги.

“Как встретишь год, так его и проживешь” — обилие еды призвано заклинать сытость на весь год.

Был обычай “бардамнаар” — “бросить вызов”. Молодые мужчины, сговорившись заранее, шли в гости в богатую юрту. Принимающая сторона должна угостить пришедших до отвала. Если угощения не хватит, хозяевам позор. Так наказывали тех, кто держит впроголодь своих работников.

В христианской культуре, в проповеди к римлянам, написанном в I веке, сказано: “Мы сильные силой благодати божьей. Мы сильные должны носить немощи бесильных. Заботиться не только о себе, но и о всем немощном мире.”

Подготовка к Шагаа начинается с весны до самой зимы: собирают и сушат головки дикого лука, черемши, дикий укроп, чеснок, анис, тмин, корень бадана, пиона, имбиря, черемуху, шиповник и другие ягоды, орехи. Припасают масло, мясо, замораживают молоко.

В день Шагаа нельзя употреблять спиртное.

Вопросы и задания.

1. Как накрывают стол в вашей семье к празднику Шагаа? Попробуйте приготовить блюдо “шагаа”. На будущее припасите “хырбача”.

2. Пригласите родственников к праздничному столу.

3. Составьте график посещения родственников в этот день: кому принимать гостей на завтрак, на обед, на ужин.

4. Не забудьте выразить почтение старшим в роду, преподнести им белый кадак.

ЛИТЕРАТУРА

Кужугет А. Духовная культура тувинцев: структура и трансформация. — Кемерово: КемГУКИ, 2006. — С. 320.

Символика традиционного тувинского костюма

Традиционный костюм — один из устойчивых компонентов материальной культуры, не претерпевающий значительных изменений на протяжении всей этнической истории каждого отдельного народа. Поэтому изу-

чению народного костюма Тувы уделяется значительное внимание со стороны этнографов, историков, искусствоведов, краеведов [5,41].

Национальную одежду тувинцев изучали Л. Потапов, С. Вайнштейн, Л. Сат-Бриль, В. Дьяконова, М. Сиянбилъ.

Национальная одежда отражает этническое своеобразие культуры народа, имеет социальные функции, определяя родовую, племенную, поло-возрастную принадлежность владельца, его социальный статус. Национальный костюм является результатом длительного развития от простого к сложному, от утилитарного к эстетическому [5,41].

В связи с возрождением национального самосознания возродился интерес и к конструированию национальной одежды. Выделились мастера пошива национальной одежды с индивидуальным почерком. Нельзя не отметить творчество мастера национального костюма центгельскую тувинку Зодч Дайнаа. Она сшила тувинский национальный костюм для первого Президента России Бориса Ельцина. Зодч Дайнаа щедро делилась своим опытом, обучила своему мастерству многих учителей Тувы.

Особое место в современной культуре занимает творчество нынешнего министра культуры Вячеслава Донгака. Его театр танца и костюма «Эдегей» известен далеко за пределами Тувы. Коллекции «Шаманка Куу», «Скифские принцессы», «Мандала», «Пор-Бажың», «Величие степей», «Каң-кыс» и другие — результат многолетних научных изысканий, кропотливого изучения традиционного костюма, взлет творческого воображения художника. Каждый костюм его коллекции сопровождается легендами древней тувинской земли. Костюмы стилизованы, но сохраняют народную основу. Каждый костюм — шедевр творчества художника-модельера, дизайнера костюма и мастеров по пошиву народного костюма. В. Донгак открыл нам поэзию национального костюма.

Этим он способствует повышению национального самосознания и формированию чувства толерантности.

В истории тувинского народа был период, когда национальный костюм вышел из употребления. Следовательно, забылась и символика костюма.

Актуальность исследования в том, что костюм является фирменным знаком этноса, свидетелем его своеобразия. Знать символику национального костюма, значит обогатить себя знанием о культуре своего народа. Это неизменный атрибут развитого национального самосознания, условие формирования толерантности.

Практическая значимость данной работы в том, что знание символики традиционного костюма поможет современным дизайнерам одежды при всем многообразии современных стилистических средств сохранить то особенное, что отличает традиционную национальную одежду. Это ценностное ядро должно сохраниться в исторической памяти народа.

Традиционный тувинский костюм создавался на протяжении нескольких столетий. При изучении национального костюма нельзя не опираться на данные этногенеза тувинцев. Археологические данные свидетельствуют, что первоначальное этническое ядро этноса составили скифские племена, проживавшие на территории Тувы в IX—III в.в. до н. э. Предполагается, что одежда скифов состояла из тканевой рубахи, брюк, юбки, блузки, обуви и головных уборов из войлока.

Древнетюркская эпоха оставила памятники «кижи-кожэ» — каменные изваяния лиц мужского пола. На памятниках четко просматривается V-образный ворот рубахи, пояс из наборных блях с подвесками, на которых крепится оружие.

Можно предположить, что до монгольской экспансии одежда тувинцев была совершенно другой. Костюм может быть и политическим атрибутом. Предполагается, что создавая единое государство монголов, Чингис-Хан распорядился, чтобы подданные облачились в единую

одежду. Костюм должен быть свидетельством принадлежности к единому государству. Чингис-Хан проявлял веротерпимость к представителям различных религий. Может поэтому, костюм служителей буддийской веры сохранил свой первоначальный вид [6].

Верхняя одежда тувинцев объединена общим названием «тон», который был сезонным [6].

К зимним относятся *хураган кежи тон, аскыр негей тон, негей тон, чагы, чолдак тон* или *хөрөктээш тон*.

Хураган кежи тон шили из шкур подросших ягнят. Это была праздничная одежда, покрывалась шелковой или атласной тканью. Ее носили и мужчины, и женщины, и дети.

Аскыр негей тон шили из шкур баранов трех-четырёхлетнего возраста. Такой тон не покрывался тканью, был тяжелым, длина ворса достигала 8–10 сантиметров. Его носили мужчины.

Негей тон шили из шкур взрослых баранов, овец, коз. Длина ворса 4-5 сантиметров. Не покрывался тканью. Носили мужчины и женщины.

Чагы надевался поверх *негей тон* в зимнюю стужу. Шили из шкур козлов ворсом наружу. Изнутри пришивался тканевый подклад.

Хөрөктээш тон был с коротким подолом, напоминал куртку. Шился из шкур диких козлов, сурка, овец или коз. Это была удобная одежда для охотника.

К демисезонной одежде относятся: *хурбе хураган кежи тон, сесиирге хураган кежи тон, ой тон, шекпен тон*.

Хурбе хураган кежи тон шили из шкур умерших при рождении ягнят, покрывался тканью. Его носили мужчины, женщины и дети.

Сесиирге хураган кежи тон шили из шкур пяти-шестимесячных ягнят, покрывали тканью. Носили мужчины и женщины.

Ой тон шили из шкур баранов, шерсть которых начинала отрастать после стрижки. Носили мужчины и женщины. *Шекпен тон* шили из энчек — тонкого войлока.

К летним тонам относятся: *терлик тон, шыва тон, эдектиг тон.*

Терлик тон шили из шелковой ткани с тканевой подкладкой. На концы рукавов нашивались манжетки. Носили мужчины и незамужние девушки. *Терлик тон* без манжет носили дети.

Шыва тон простегивался на шерсти между тканью и подкладкой. Носили мужчины, женщины, дети.

Эдектиг тон шили из ткани с тканевой подкладкой. Это одежда замужних женщин. На уровне колен усекали и нашивали присборенный подол [6].

В романе Иргита Бадра «Арзылаң Күдерек» мать прославленного борца Күдерека Эңгисмаа показана мастерицей, умелой закройщицей и портнихой по пошиву тувинского тона: «Тыва хеп кедергей нарын быжыг тургузуглуг, кижиги болган ону даарай-даа албас. Хензигийне чандыр быжарыңга-ла, хевири өскерлип каар. А ол шагда пөс-таавы, былгаар, хөм ховар. Кижиги болган ону кедип-даа шыдавас. А Эңгисмааның даараан хеви ээзинге ыяк өй, каас, ол туржук амдыгы кижиниң хевир-дүрзүзүнүң четпес-чемдик черлерин безин эскерттинмес кылдыр эде-хере даарап каар турган» (Тувинский тон имеет очень сложную структуру. Не каждый может скроить и сшить его. При малейшей ошибке при крое, может испортиться форма одежды. В те времена был дефицит тканей, кожи, замши. Не каждый умел красиво носить одежду. А тон мастерицы Эңгисмы всегда был шит в пору владельцу, скрывал изъяны фигуры, делал человека стройнее и выше. Человек в такой одежде чувствовал себя увереннее) [2, 25].

Мастерица-портниха имела не только умелые руки, но и тонкий вкус, чутье художника. Изделия из шелка должны были кроиться так, чтобы узоры совпадали.

Крой и шитье изделий из шкур — дело кропотливое, нужно подбирать, совмещать куски еще и по размеру ворса.

О символике традиционного тона свидетельствует легенда, бытующая у кунгуртугских тувинцев: «Женщина кроила свадебный тон для своей дочери и приговаривала: «Скрою так, чтобы узоры совпадали. Пусть жизнь моей дочери будет такой же полнокровной и красивой, как эти узоры. Полы сделаю широкими. Пусть на передней — дети играют, на задней — ягнята и козлята резвятся. Внутреннюю часть сделаю короче на два пальца. Пусть моя дочь, увидев этот изъяз, вспомнит свою старую мать, проведает ее, даст понянчиться с внуками. Рукава сделаю длинными, чтобы моя дочь при чужих людях лишнего не болтала, рот рукавом закрывала. Өршээ, Хайыракан! Өршээ, Өршээ!»

Девичий тон имеет закрытые, недвижные полы, которые символизировали девственность. Дополнительная пуговица с петлей на середине подола символизировала закрытость, скромность, строгость.

Подол тона у замужней женщины усеченный, словно открывшийся. Он, как бы, освобождает дорогу для будущего рождения детей. Радужная полоса шалан, начинающаяся от усеченного края, закликает новое богатство для рода. Округлая кокетка «тоннуц ооруу» олицетворяет «верх — небо». Кокетка спереди делится на две равные части правой и левой полочки тона. Левая полочка накладывается на правую и по верхнему ступенчатому вырезу «өөлет» пристегивается на 5 пуговиц: по пуговице внизу воротника и в нижнем крае кокетки, 2 пуговицы по верхнему выступу «өөлет», пуговица по боковому выступу «өөлет» под правой рукой.

Пройма рукава занижена, чтобы обеспечить удобство движений. В старину рукав шился удлиненным настолько, чтобы он мог собориться и заканчивался бархатной или шелковой манжеткой «уштук». Длинный рукав свидетельствовал о родовитости женщины, которой не надо заниматься какой-либо работой. Им прикрывали лицо, когда смущались, прикрывали рот, когда смеялись, обмахивались, когда было жарко.

Праздничный наряд богатой замужней женщины отличается тем, что поверх тона сдержанных тонов одевается сегедек — длинная безрукавка из шелковой ткани на подкладе.

Мужской тон отличался от женского наличием разреза с левого бока для удобства езды на коне и более сдержанными, зрелыми тонами, что должно было олицетворять мужественность [6].

Пояса носили все. В «Повести о светлом мальчике» народного писателя Тувы С.А. Сарыг-оола бабушка мальчика рассказывает о значении пояса: «Верхний мир — это небо, где бог живет. Это мир небесного царства. Там Царь-Солнце и Царь-Луна. Выше их нет божеств, они самые главные.

Средний мир — где все мы живем. Поэтому всем нам, живущим в этом мире, полагается посредине тела всегда носить пояс. А царствует над нами Эжен-хан, китайский богдыхан» [4,21].

Маленьких детей не подпоясывали, чтобы не сковывать их движений. Верили, что в это время их сунезин — душа находится около ребенка. Как только ребенок достигал того возраста, когда его одежда подпоясывалась, сунезин поселялась в пояс и неотлучно находилась там до самой смерти человека.

Пояс отца служил оберегом для роженицы. Если она долго не могла разродиться, в юрте натягивали пояс отца и роженица повисала на нем. В старину рожали стоя.

Если бедная невеста не могла сшить новый тон, то родители старались справиться ей, хотя бы, новый шелковый пояс.

Золотым поясом, видимо, подпоясывали умерших состоятельных мужей в эпоху тюркского каганата. Об этом свидетельствуют эпитафии на надгробных стелах:

Жены мои — о, горе! — все мои сыновья,
Вами не наслаждался, от вас отделился я.
Горе! — мои наложницы, родители и друзья,
Поясом золоченым перепоясан я [3,166].

Беременные женщины не носили пояса. Может быть, до монгольского нашествия женский костюм местных племен носился без пояса. На петроглифах вдоль Улуг-Хема изображены фигурки без пояса и с косичками. Сохранился термин «курьяк» — без пояса, обозначающий лиц женского пола.

Пояса шили из шелковой ткани, вили из шерсти, делали из кожи. Праздничным считался пояс из «тоннук торгу» — из шелка размером подходящего для шитья тона. Видимо, он должен был свидетельствовать о состоятельности владельца.

В тувинском героическом эпосе мужчина по достижении зрелости получал от отца одежду: «кара торгу тон, кара дордум кур, кара киш кежи борт, кара саар идиктер» — «черный шелковый тон, черный пояс, шапку из черного соболя, черные кожаные сапоги». Такой наряд считался идеальным для мужчины [7,207].

Мужчины зрелого возраста носили пояса ниже талии, чтобы подчеркнуть свою степенность, дородность.

Молодые мужчины не смели преждевременно носить пояс ниже талии. Это считалось неприличным. Всему свое время: нужно достигнуть определенного статуса в обществе.

Тувинцы любили синий цвет. Ворот и рукава окантовывали красным шелком или парчой, что имело обереговое значение. Нечистая сила боялась красного цвета. Подклад выбирали красный или темных тонов. Пояс обычно был красным.

Когда человек умирал, его одежду оставляли неподалеку от места погребения, а пояс отдавали детям.

Таким образом, пояс имел символическое значение и к нему было особое бережное отношение.

Было много разновидностей головных уборов. И мужчины, и женщины носили «ужар берт» — «летающую шапку», головной убор, напоминающий птицу. Разница только в том, что женская шапка миниатюрнее и изящнее, чем мужская. Поля шапки — грудка

птицы, переходящая в крылья, тулья — шейка птицы и головка-навершие, олицетворяющее узел счастья — «өлчей удазыны», обычно красного цвета. Красный цвет символизирует огонь — первооснову жизни. Навершие-головка восседает на обруче, символизирующем солнце. Прошивки на тулье — символ солнечных лучей. Две красных ленты говорят о том, что мужчина женат, а женщина замужем. Об этом же свидетельствует и свадебная прическа: две косы у висков, три — на затылке. Повседневная прическа замужней женщины: две косы, соединенные в одну на концах. Обычно затыкалась за пояс.

Другая разновидность летней мужской шапки имела шесть клиньев, что свидетельствовало о принадлежности к шести кожуунам. Козырек, затылочная часть, наушники символизировали 4 стороны света, что обозначало: «Эр кижиг хана баарынга төрүттүнер, хая баарынга өлүр» — «Мужчина рождается у стены, умирает у скалы». Навершие шапки завязывалось из красных шнуров в «узел счастья», снизу был обруч с четырьмя ножками, что символизировало таган с огнем. Шапка была многофункциональной: козырек, назатыльник, наушники могли опускаться при необходимости. Ценгельская тувинка Зодч Дайнаа говорила, что по количеству клиньев определяли принадлежность к субъекту Китайской империи. Древнее название края было Коңгурай (Хонгорай - Хоорай), который состоял из шести кожуунов:

Алды кожуун чонумнун
Аалы кайдал, Коңгурай?

Навершие шапки, устремленное в небо, имело сакральное значение. Оно символизировало высокий жизненный тонус — «сүлде», который обеспечивал здоровье, удачу, благополучие. Мужскую шапку нельзя держать или ставить навершием вниз. Во время национальной борьбы хуреш, секунданты стараются держать шапку борца высоко над головой, как бы заклинающая удачу. Шап-

ка должна храниться бережно на почетном месте. Нельзя красть и носить чужую шапку — она может пригнуть к земле, принести несчастье.

К мужским парным украшениям относились нож и огниво [1,5]. К поясу прикреплялись подвески-«дерги», к которым подвешивали парные мужские украшения: нож в ножнах с левой стороны, справа — огниво с металлической чашкой «соңгулуур» для пепла и серповидным крючком для чистки трубки.

Рукоять ножа искусно украшалась мастерами-ювелирами. Нож носили в ножнах из дерева, бересты или кожи. Ножны тоже украшались орнаментом или фигурами в «зверином стиле». В сложных ножнах хранилось два ножа: большой — для хозяйственных нужд, маленький — столовый. В старину в ножнах было также местечко палочек для еды [1,5].

Огниво прикрепляли к поясу молодого человека, на этапе «дүгдээр» — обручение, традиционного свадебного обряда. Огниво и курительные принадлежности украшались, инкрустировались серебром в зависимости от состоятельности мужчины.

Необходимым дополнением к костюму являлись женские украшения.

Женщины-тувинки носили украшения из серебра со вставками из кораллов и бирюзы. Это серьги, кольца, браслеты, пряжки-накосницы. Когда девушка выходила замуж, ей меняли маленькие девичьи украшения на массивные женские. Чем богаче женщина, тем больше на ней украшений. Выдавая дочь замуж, мать должна приготовить ей шкатулку с драгоценностями — хомду кажаазы.

О символике женских украшений рассказала кандидат филологических наук З.Б. Самдан: «У одной женщины тяжело заболела и умерла дочь. Во сне матери приснилась умершая дочь. Она упрекнула мать за то, что на ней не было длинных женских сережек, за которые бы смогла ухватиться ее душа и дочь могла остаться

в живых. Длинные женские серьги служили оберегом для мужа и детей. Если серьги и браслеты были с колокольчиками, то к женщине не приставали ни сглаз, ни порча, ни болезни. Серебряный звон колокольчиков отпугивал нечистую силу».

Серебряные кольца обладали дезинфицирующим свойством. Если серебряное кольцо положить в посуду с молоком, молоко долго не испортится, сохранит свежесть.

На поясе женщина-тувинка носила сумочку — кым-зар, в которой были швейные принадлежности, ключи от сундуков.

В приготовлении приданого для невесты участвовал весь аал. Женщинам приходилось много шить. Богатые девушки к свадьбе шили 10 тонов, бедные — 2 [6]. Тон мог быть и не новым, но к нему обязательно добавлялись необходимые элементы свадебного костюма: головной убор «думаалай», головная накидка «баштаңгы». В выборе невесты придавали значение и количеству, и качеству лоскутков, которые оставались после кройки одежды. До 12 лет девочка должна была научиться делать все, что умела мать. Говорили: «Уран кыс удазынга ораашпас» — «Мастерица не запутается в нитках».

Нами проведено анкетирование среди учащихся 8–11 классов. Из 148 респондентов на вопрос «Знаешь ли ты названия традиционной верхней одежды тувинцев?» положительно ответили 5%, знания неполные у 28%. Знают различия в мужской и женской одежде 53% учащихся. Названия разных видов головных уборов знает всего 2%, символику национальной одежды знают 3% опрошенных школьников.

Знают символику украшений 30% респондентов (10–11кл.). Носят в семье традиционную одежду у 56%, носят только в праздники 47% опрошенных. Интерес к традиционной одежде имеется у 82% учащихся. Источником информации, в основном, является школа.

Выводы: Интерес к символике национального костюма имеется. Национальный костюм носится представителями старшего поколения зимой, летом — во время лечения на целебных источниках аржаанах. Национальная одежда носится во время празднования Шагаа и Наадыма. Мужские головные уборы и обувь имеются у мальчиков в комплекте с борцовским костюмом.

В дни празднования “Шагаа-2011” в школе прошел Праздник национального костюма. На нем были представлены различные образцы костюма: детский, взрослый, мужской, женский, праздничный, повседневный, свадебный, стилизованный, борцовский.

В конкурсе победили свадебный и праздничный костюмы сконструированные и сшитые своими руками Намчиловой Ай-Суу и Монгуш Шеңне на традиционной основе.

Введение в программу физической культуры борьбы «хүреш», проведение праздника мальчиков «Эрниң эрези» — «Удаль молодецкая» стимулировало приобретение борцовского костюма: содак-шудак, шапка, «кадыг идик» — обувь.

На празднике, в основном, преобладала стилизованная одежда. Современные дизайнеры костюма опираются на народные традиции, но не всегда учитывают тонкости символики национального костюма. Творчество не знает границ, но несомненно одно: надо знать символику традиционного костюма.

Задания для закрепления.

1. Попробуйте ответить на вопросы анкеты.
2. Проведите анкетирование в своей семье.
3. Попытайтесь интерпретировать данные анкет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Т.Е. Стилистические особенности мужских серебряных украшений. Сб. Отражение символики традиционной культуры в искусстве народов Байкальского региона и Центральной Азии. БНЦ СО РАН, Улан-Удэ, 2001. — С. 253.

2. Бадра И. Арзылаң Күдерек. — Кызыл: Тываның ном үндүрер чери, 1990. — А. 175.

3. Куль-тегин, — Новосибирск «Наука», 2003. — С. 166.

4. Сарыг-оол С. Аңгыр-оолдуң тоожузу. — Кызыл: Тываның ном үндүрер чери, 1988. — А. 454.

5. Сат-Бриль Л. Традиционная одежда тувинцев. Сб. Культура тувинцев: традиция и современность. — Кызыл: ТНИИ-ЯЛИ, 1988. — С. 151.

6. Сиянбиль М. Традиционный тувинский костюм. — Кызыл, 1999.

7. Червонная С.М. Фольклорные образы, символы и ценности в современном профессиональном искусстве. Сб. Отражение символики традиционной культуры в искусстве народов Байкальского региона и Центральной Азии. БНЦ СО РАН, Улан-Удэ, 2001. — С. 253.

Информаторы.

1. Зодч Дайнаа, 1946 г.р., центгельская тувинка.

2. Самдан З.Б., 1951 г.р., уроженка с. Самагалтай Тес-Хемского кожууна.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Примерная учебная программа курса «Культура традиционной тувинской семьи»	6
Учебный план курса «Культура традиционной тувинской семьи»	10
Тематический план курса «Культура традиционной тувинской семьи»	11
Содержание курса «Культура традиционной тувинской семьи»	12
Тематика рефератов и исследований	17
Вопросы к итоговому повторению по всему курсу «Культура традиционной тувинской семьи»	19
Литература	20
<i>Приложение. Разработки, раскрывающие основное содержание некоторых тем</i>	<i>29</i>
Этнопедагогический потенциал свадебного обряда тувинцев	29
Роль отца в традиционной тувинской семье на рубеже XIX–XX вв.	50
Роль матери в традиционной тувинской семье на рубеже XIX–XX вв.	58
Дети в традиционной тувинской семье на рубеже XIX–XX вв.	65
Игры тувинских детей	71
Традиционное поведение в юрте – основа социальной самоорганизации кочевого общества	76
Культура тувинского чаепития	81
Питейная культура тувинцев на рубеже XIX–XX вв.	89
Духовная сущность Шагаа	99
Символика традиционного тувинского костюма	105

Дамчай Ольга Михайловна
Уйнук-оол Елена Сергеевна

КУЛЬТУРА ТРАДИЦИОННОЙ ТУВИНСКОЙ СЕМЬИ

Учебно-методическое пособие

На русском и тувинском языках

Редакторы С.М. Ондур, О.М. Баир
Технический редактор Л.А. Ооржак
Верстка Л.Д. Донгак

© ГБНУ МО РТ ИРНШ

Подписано в печать 27.06.2014 г. Формат 60x84¹/₁₆.
Печать офсетная. Гарнитура TTSchoolBook.
Физ. п.л. 7,5. Тираж 200 экз. Заказ № 9313.

Оригинал-макет подготовлен ГБНУ Министерства
образования и науки Республики Тыва «Институт
развития национальной школы»,
667011, г Кызыл, ул. Калинина 1 «б».

Отпечатано в ОАО «Тываполиграф»
667000, г. Кызыл, ул. Щетинкина и Кравченко, 1